

Александр Прозоров

ПРИСЯГА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

До последнего патрона, до последней капли крови...

Александр Прозоров
Присяга Российской империи

«Автор»

2004

Прозоров А. Д.

Присяга Российской империи / А. Д. Прозоров — «Автор», 2004

Главным героем этого остросюжетного боевика является самолет «ТУ-160». И, конечно же, люди. Офицеры российской армии, честно исполняющие свой долг. Когда миру грозит ядерная катастрофа, только они способны встать на пути подлецов и провокаторов.

© Прозоров А. Д., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть первая	6
Таджикистан, пограничная застава Нижний Дусти. 18 августа 1999 г. 13:20	6
Саратов, железнодорожный вокзал. 27 ноября 1999 года 10:05	22
Г. Коквиль, штат Орегон, США. 28 ноября 1999 г. 19:50	27
Аэропорт г. Женева, кантон Женева, 2 декабря 1999 г. 11:15	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Прозоров

Присяга Российской империи

*Памяти российских военных летчиков
подполковника Юрия Дейнеко,
майора Олега Федусенко,
майора Григория Колчина
майора Сергея Сухорукова
посвящается.*

*Все события, описанные в данной книге, вымышлены. Всякая связь
с похожими людьми или близко совпадающими фактами случайна и
непреднамеренна.*

Часть первая Граница

Таджикистан, пограничная застава Нижний Дусти. 18 августа 1999 г. 13:20

Несмотря на настужь распахнутое окно и нежно шелестящую за ним листву абрикосов, в кабинете стояла жуткая духота. Хотя середина лета осталась далеко позади, в узкой горной долине температура никак не опускалась ниже тридцати градусов в тени. А что творилось на солнце – и подумать страшно. В такие дни капитан Илья Ралусин начинал завидовать молодым лейтенантам и прапорам, уходящим в дозор к недалекому Пянджу. Там хоть ветерок обдувает, прохлада от воды веет... Хотя – при такой службе сапог от силы на полгода хватает. А ботинок – и того меньше.

Правда, был и один плюс. Группировка в Таджикистане считалась в зоне чрезвычайной ситуации, а потому здесь выслуга шла год за три, плюс полуторный оклад. Это означало, что уже к тридцати годам, будучи все еще достаточно молодым и крепким, он уже заработает себе полнокровную военную пенсию. А часто ли в средней полосе встречаются такие бодрые, поджарые, кареглазые, русоволосые со слегка приплюснутым носом капитаны двадцати семи лет от роду? Фиг бы он капитанские погоны выслужил, если бы не Пянджский погранотряд.

Хрипло затрещал звонок селектора. Офицер нажал мигающую кнопку поста у ворот, и тут же услышал встревоженный голос:

– Товарищ капитан, штабной «УАЗик» на дороге!

– Понял, иду! – Ралусин торопливо захлопнул папки с рапортами, бросил их в сейф, запер на два оборота и, опустив ключ в карман, поднялся из-за стола.

Обнесенная двумя рядами колючей проволоки застава, состоящая из штабного здания, навеса для боевой техники, двух казарм и трех домов для офицерских семей за ними отличалась от окружающего серого пространства прежде всего количеством клумб, газонов, фруктовых посадок и просто пятен зеленой травы. Уложенный три года назад до самого Пянджа шланг позволял обитателям небольшого военного городка не экономить воду, щедро поливая посадки, и растительность отвечала взаимностью. Правда, всегда оставался риск того, что «духи» попытаются отравить воду, а потому для питья люди ее почти никогда не употребляли – все равно приходилось возить бочками из Джиликула. От штаба к первому КПП вела мощная широкими бетонными плитами дорожка, и по ней можно было бежать, не поднимая пыли и не боясь запачкать начищенные с утра ботинки.

Впрочем, как капитан ни спешил, командир первого взвода уже докладывал, вытянувшись по струнке и отдавая честь:

– Товарищ полковник, за время моего дежурства происшествий не случилось! Дежурный по заставе лейтенант Молодченко!

«Молодец, мальчишка, – мысленно похвалил подчиненного Ралусин. – Вроде, домой обедать уходил. А на проходной раньше меня оказался».

– Вольно, лейтенант, – разрешил полковник, протягивая руку для пожатия. Кряжистый, высокого роста, всегда гладко выбритый Чупара официально числился в первом отделе штаба дивизии, хотя большую часть времени проводил в Москве. И то, что в последнее время этот странный человек зачастил к нему в часть, кольнуло Илью Ралусина неприятным предчувствием.

– Товарищ полковник, – перешел на строевой шаг капитан. – Начальник заставы...

– Вольно, капитан, – перебил его гость. – На заставе все в порядке?
– Потерь за минувшую неделю не было, раненых тоже. Двое рядовых лежат в медчасти с подозрением на дизентерию. Похоже, на бахчу в наряде сбегали, но не признаются.
– Хорошо, – кивнул полковник. Рукопожатие у него было короткое, но крепкое.
– Дежурный, – кивнул лейтенанту Ралусин, – пропустите машину в часть.
– Есть, – молодецкато отдал под козырек лейтенант и развернулся к солдатам наряда: –

Открыть ворота!

Между тем полковник уже шел по дорожке, негромко интересуясь:

– А ничего странно в последние дни вы не замечали, капитан?

– Что значит – странное? – нагнал его начальник заставы.

– Это и значит, – пожал плечами гость. – Незнакомые люди, попытки перейти границу не к нам, а от нас, признаки прощупывания системы охраны?

– Послушайте, товарищ полковник, – не выдержал Ралусин. – Может быть, вы поделитесь информацией, которая вызывает такие тревожные ожидания?

– Радиоперехват отметил странную активность в этом районе, – с неожиданной легкостью признался Чупара. – Спутниковые телефоны размножились, портативные передатчики. Так что, или готовят что-то или, наоборот, отсюда перебежчика ждут.

– Думаете, что-нибудь серьезное?

– Пока не знаем. Но ротную тактическую группу, усиленную броней, за тобой развернули.

Посему, ежели чего, за пару часов ты получишь поддержку по полной программе.

– Это у...

Дальнейшие слова офицера заглушил рев сирены. Ралусин рефлексивно взглянул на часы, засекая, сколько времени уйдет на сборы. Уже через сорок секунд из левой казармы выскочили первые бойцы, через полторы минуты оба дежурных взвода подбегали к навесу с «броней». Пограничники привычно заскакивали на крышу и бока двух БТРов. Один из них, выстрелив из глушителя черным облаком, тронулся с места. Натянулся буксировочный трос – вторая бронемашина тоже начала выкатываться из-под навеса. На миг второй БТР словно запнулся, потом громко зарычал.

Со стороны реки послышались россыпи автоматных очередей, грохнул одиночный взрыв.

– Ну же, давай! – не выдержав, замахал рукой капитан.

Водитель второй машины выскочил – но тут рычание его двигателя оборвалось. Пограничник выругался, полез обратно за рычаги. Его снова дернули, двигатель опять завелся практически сразу, но теперь водитель немного выждал, давая дизелю прогазовку. Вместо него на песок спрыгнул кто-то из солдат, сдернул с крюков обеих машин трос, бросил его прямо под ноги, дал отмашку:

– Свободен!

Интенсивность перестрелки нарастала. Оба БТРа сорвались с места, устремляясь на помощь – но вторая машина опять клюнула носом и заглохла.

– Зюмин, пошел! – махнул командиру первого взвода капитан. – Не жди, иди на помощь!

Лейтенант на броне кивнул, застучал кулаком по броне, приказывая разгоняться. А водитель второго БТРа, выбравшись на песок, зло пнул колесо ногой, повернулся к начальнику заставы:

– Товарищ капитан, ну вы же знаете! Кольца надо поршневые менять! Ну, не идет она, с-сука, пока холодная!

– Капитан, – окликнул Ралусина гость. – УАЗик.

– Точно! – моментально встrepенулся Илья. – Рохля, жилет! Остаешься за старшего! Юсупов, Рудченко, за мной!

Он быстро отобрал у спустившегося с «брони» старшего лейтенанта автомат и жилетку с боекомплектом, побежал к легкому российскому джипу, следом устремились двое прапорщиков из второго взвода и полковник.

– Я вперед сяду! – предупредил капитан, видя, что штабной гость не намерен ожидать результатов на заставе. – Дорогу покажу!

Внутри, помимо водителя, обнаружили еще двое автоматчиков. Ралусин высунулся наружу, замахал рукой на прапорщиков:

– Назад садитесь, с «кормы».

Полковник влез к своим на задний диван, и тут же скомандовал:

– Поехали!

Уаз, лихо сорвавшись с места, вылетел через ворота, повернул вслед за ушедшим бронетранспортером.

– На взгорок за БТРом не поворачивай, жми прямо, – приказал капитан, осматривая оружие: граната в подствольнике есть, магазин снаряжен. – Дорога пойдет по расселине, выведет прямо к ручью. Он мелкий. Пересекаем вброд. За ним, с левой стороны, большой валун. Заскакивай за него и останавливайся.

Машина прыгала по холмистой дороге, как настоящий козел, но скорости не снижала. Вылетающие из-под колес булыжники били в днище с такой силой, что казалось, будто они попадают по пяткам. Боковые стекла были сняты, и салон моментально наполнился густой пыльной пеленой, вопреки всем законам физики и здравому смыслу не желающей выдуться наружу.

– Метров двести еще, – предупредил капитан, перевел флажок предохранителя на автоматический огонь и передернул затвор.

УАЗ лихо скакнул еще пару раз, по самую крышу погрузился в расселину, пробитую за миллионы лет дождевыми потоками, после чего неожиданно вылетел на простор сверкающей тысячами солнечных бликов реки. Далекое стрекотание автоматов неожиданно оказалось совсем рядом, резко ударив по ушам. Колеса подняли облака брызг, мгновенно осадивших пыль и приятно освеживших лицо. Не дожидаясь, пока водитель остановится, капитан выскочил наружу, пробежал несколько шагов по колону в реке, оглядывая поле боя на противоположном берегу.

По самому гребню довольно пологого холма шел БТР и вел огонь из пулемета куда-то вверх по течению. Оттуда огрызались залегшие за скалами контрабандисты. Остальных пограничников видно не было, но слышалась активная стрельба. Хуже было то, что два духа засели здесь, в тылу у первого взвода и спиной к подоспевшему отряду. Причем один уже целился в бронемашину из гранатомета.

– Вот, блин! – Ралусин вскинул автомат, но гранатометчик успел выстрелить первым. В районе переднего колеса ало полыхнул взрыв, повалили клубы дыма. – Сволочь!

Капитан высадил в духа длинную очередь – от белоснежного халата полетели кровавые ошметки. Второй афганец успел обернуться и прямо в лицо получил плотный залп из пяти автоматов.

– За мной! – Илья, стараясь держаться у кромки воды, чтобы в любой момент отскочить к крупным прибрежным валунам, побежал вверх по течению. Среди камней вся четче и четче различались халаты отбивающихся контрабандистов. Капитан жестом скомандовал своей группе залечь среди береговых камней, и они открыли огонь во фланг афганцам. Те мгновенно сообразили, что им отрезают путь домой и, побросав все, что имелось в руках, кинулись бежать. Двоих пограничникам удалось подстрелить, но трое духов все-таки ушли.

Начальник заставы сразу кинулся на холм, к горящему жирным сальным дымом БТРу, заглянул в люк.

– Я здесь... – тихо предупредил весь закопченный, а местами еще и окровавленный водитель с сержантскими лычками на погонах.

– Ты как, Сережа? – присел капитан рядом.

– Целый я... Когда рвануло, головой о стенку стукнуло сильно, да морду железом ободрали. В моторном отсеке взорвалось. На мину, наверно, наехал.

– Точно цел?

– Цел, товарищ капитан. Я кости все уже ощупал. И дырок нет. Только голова кружится.

– Ну, хорошо, отдохни тогда пока.

Илья Ралусин выпрямился, посмотрел на чадающий бронетранспортер, потом злобно сплюнул:

– Вот твари, последнего БТРа лишили.

Возле подбитой машины начальник заставы оставил пост из трех человек, контуженого пограничника уложили в УАЗ, после чего тревожная группа пешком отправилась назад. К этому времени водителю второй машины удалось каким-то образом оживить свой бронетранспортер, и Ралусин, увидев сизое марево вокруг раскаленной на солнце стальной коробки, отправил водителя притащить в расположение части подбитого собрата.

– Теперь я в заднице, – без всяких выкрутасов сообщил Илья представителю штаба, войдя вслед за ним в свой кабинет. – Одна «броня» подбита, у второй двигатель изношен в полный хлам. Без прогрева в четверть часа даже летом с места не сдвинуть. То есть, остался пешим. А мои ребята и без прикрытия, и без огневой поддержки, и без возможности быстрого маневра. Можно вешать большой плакат: «Ворота для завоза наркотиков открыты здесь».

– Не горячись, капитан. Я сообщу командиру тактической группы, он поможет тебе техникой.

– Отдаст свою? – Ралусин криво усмехнулся. – Так я и поверил.

– Когда я вернусь в дивизию, то попрошу выделить вам на время пару танков. У меня есть некоторое влияние на Перминова.

– Что мне с этими танками делать? – развел руками капитан. – Эти дуры только солярку хорошо жрать умеют. Тяжелые, неповоротливые, отсеков для загрузки припаса или вывоза раненых нет.

– Положим, десант у них на броне ты перебросить все-таки можешь. А по огневой мощи танки превосходят БТРы на несколько порядков, – возразил полковник.

– Вот именно, – кивнул Ралусин. – На хрена мне эти «порядки»? С танкового главного калибра по контрабандистам – это не то что из пушки по воробьям, это из пушки по мухам получается. Мне нужна машина легкая и подвижная, с крупнокалиберным пулеметом или автоматической пушкой. А танком наркокурьеров не напугаешь. Они ведь как тараканы, воевать не собираются. Они незаметно проскочить хотят, и удрать со всей доступной скоростью.

– Ну, используешь пока «семьдесят вторые». – Полковник Чупара сел на стул, снял и положил на стол фуражку, пригладил волосы. – А свои БТРы отправишь пока в дивизионные мастерские. Их там тебе подлатают и быстро вернут.

– Не смешите меня, товарищ полковник! – Илью «понесло», и остановиться он уже не мог. – Можно подумать, я не знаю, как у нас с запчастями дело обстоит? Ни хрена нет в ваших мастерских! Из России никаких узлов не поставляется, новой техники на ближайшие двадцать лет даже не планируется, здесь на запчасти старые машины разбирают. А много на поношенных деталях наездишь?

– Делаем, что можем.

– А что делаем, товарищ полковник? Вы, штабной офицер, можете мне объяснить, почему нас, единственную воюющую дивизию, как пасынков каких-то, на голодном пайке держат? Мы что, Америку защищаем? Или таджиков? Если мы не нужны – тогда какого хрена нас здесь держат? А если нужны – почему ни оружия, ни прочего снабжения нет?

– То, что нужны, я думаю, ты и сам понимаешь, капитан, – задумчиво ответил Чупара, разглядывая горячащегося офицера. – Парадокс заключается в том, что нужны вы Родине, а снабжением занимается чиновник. Потому и думает он в первую очередь не о ваших нуждах, а о том, чтобы крышу у себя на даче перекрыть.

– Эт-то как? – запнулся Ралусин.

– Отвечаю как есть, – развел руками полковник. – В какой стране живем, так и воюем. – Видя, что начальник заставы настороженно замер, гость вздохнул, выудил из кармана плоскую, обтянутую кожей флягу и предложил: – Давай, капитан, снимем стресс после боевого выезда.

Илья машинально извлек из кармана ключ, открыл сейф, достал из него две стеклянные стопочки. Потом отошел к окну, дотянулся до ветки дерева и сорвал несколько желтых, покрытых тонкой жесткой шерсткой, абрикосов. Вернулся к столу, положил их на бумажку рядом с уже наполненными стопками и наконец спросил:

– А почему ему по шапке не дадут, чиновнику этому?

– Однако, сложный ты вопрос задаешь, капитан, – усмехнувшись, покачал головой гость. – Скажем так: не за что. Он ведь вроде и не ворует, и интересы государства блюдет. Просто думает чуть-чуть иначе. Не о том думает, чтобы снабжение для тебя организовать, а о сохранении полномасштабного складского резерва и экономии финансовых средств. Ему ведь за это, кстати, и премия положена.

– Так отменить нужно эту премию к чертовой матери!

– Тогда нужно пересматривать нормативы стратегического резерва.

– Так, и нормативы... – Илья остановился, столкнувшись с насмешливым взглядом полковника.

– Ты уже понимаешь, куда намерен добраться, поднимаясь со своими вопросами ступенька за ступенькой? – спросил гость и предложил: – Давай все-таки выпьем.

– Но ведь что-то делать нужно! – Ралусин сморщился, пропуская в желудок что-то обжигающе-крепкое, и торопливо закусил приторно сладким, пахучим абрикосом.

– Есть люди, которые пытаются, – откинулся на спинку стула Чупара. – Но ведь дело не в чиновниках и законах. Дело в системе. Ты хоть задумывался над тем, что происходит в нашей стране?

– Вы на путч намекаете?

– Да при чем тут он? Опыт-то последних восьмидесяти лет совсем про другое говорит. Например, про то, что любая структура начинает быстро разваливаться и гнить без законного собственника. Вот ты вспомни, капитан, чем закончилось правление Сталина в пятьдесят третьем. Страна, пережившая опустошительную войну, имела самую сильную в мире армию, развитую науку и промышленность, второй в мире по объему золотой запас. А что стало потом? Нищета, товары по карточкам, качество на уровне каменного века. Нам говорили, что все это происходит потому, что на фабриках и полях нет хозяина. Сейчас хозяин появился, вместе с буржуями на прилавки вернулось изобилие. А теперь ответь, почему мы, зная, что отсутствие легитимного законного владельца приводит к краху самых совершенных и развитых предприятий, допускаем полное безвластие и анархию в стране?

– Почему анархию? У нас есть законно избранный президент...

– Срок полномочий которого скоро истекает, – перебил капитана гость. – Вот в этом-то вся и заковыка. Постоянно избираемый, неизбежно сменяемый президент никогда, никогда не станет чувствовать себя хозяином страны! Что бы там ни говорили, но государство в любом случае будет не его. У него может иметься свой домик, участок, заводик – и в любой момент интересы страны могут оказаться менее важными, чем собственный интерес. Его могут подкупить, шантажировать грехами молодости или чем-то еще. Он может пожадничать, попытаться нажиться, пользуясь своим постом. И всех этих рисков не существует только в одном-единственном случае – если для главы государства собственные интересы и интересы страны всегда

совпадают, оказываются единым и неразрывным целым. То есть, говоря современным языком, для частного собственника. Государя.

– Царя? – Илья наклонил голову и почесал у себя в затылке. – Звучит, конечно, красиво. Но времена монархий давно канули в лету.

– Да ну? – громко хмыкнул полковник. – Канули, или их старательно пытаются туда запихать? Ты помнишь свою историю, капитан? Когда-то, очень давно, четыреста лет назад, в Европе существовала огромная, богатая и очень могущественная страна, столицей которой был Новгород. Собственно, и по размерам она мало уступала современной Западной Европе. А рядом с ней примостилось маленькое княжество, размером с современную Московскую область. И с очень похожим названием. И между соседями началась борьба. Ты часом не помнишь, Илья Ралусин, кто победил? Могучая республика или маленькая монархия? Собственно, все, что сделало Русь современной Россией, поднято руками царей. Плохих, хороших – но царей. Иван Грозный, Екатерина Великая, Александр Первый, Александр Освободитель. Именно благодаря им наши погранзаставы сейчас стоят здесь, на Пяндже, а не на возле Зарайска или Коломны. Сталина, кстати, тоже можно отнести к царям. Имея всю полноту власти, он оставил после себя из личного имущества только поношенный френч и трубку. Потому что полностью идентифицировал себя с государством и не различал свои интересы и его. Можно сколько угодно ругать его за репрессии, но действовал он только из интересов Союза. Да, кстати, в те годы все развитые государства без террора и концлагерей не обошлись. Вот так. А после этого было только позорное разбазаривание. Крым профукали из-за идиотизма одного демократа, Финляндию прохерили стараниями другого освободителя, теперь Лифляндия расизмом развлекается, Грузия, древние иранские земли тоже свободно гулять пустились. Везде, куда ни глянь, всегда бардак. Одно слово, демократия...

Полковник вздохнул и вылил в стопки остатки содержимого своей фляжки.

– Так что, капитан, как говаривал хитроумный Черчилль: «Нет худшего государственного строя, нежели демократия». Это есть безответственность, возведенная в закон. Ты думаешь, если бы какой-нибудь король решил, что здесь должны стоять его войска и что это для него важно – он бы позволил экономить на переброске запчастей? Да чинушу, по вине которого хоть один солдат остался без носков, тут же повесили бы на ближайшем дереве! Потому что интересы государства превыше мелочной экономии. И любой служащий знал бы об этом с самой колыбели.

– Так уж и стал бы государь-император интересоваться каждым солдатом...

– Если бы знал, что здесь стреляют, но считал присутствие России все равно крайне важным – интересовался бы. Или требовал докладывать об обстановке постоянно. Или назначил бы ответственного, проверяющего дела в ведущей бои дивизии. В конце концов, хозяин завода тоже не заглядывает через плечо каждого рабочего, но тем не менее добивается от них качественной работы. Государь-Император обязательно следил бы за нашей двести первой дивизией. Хотя бы потому, что интересы России здесь – это лично его интересы. – Гость поднял рюмку: – Давай, капитан, за здоровье.

Они выпили, и полковник, понюхав разломанный пополам абрикос, продолжил:

– Не хочу плохо говорить о президенте, но новая система построена так, что он не способен совершать энергичных действий. Он не может резко прижать тех же чиновников. Ведь это «электорат», и если их заставить работать с полной отдачей – на выборах они проголосуют за другого. Президент не может выделить деньги на экстренные нужды страны – для этого придется сначала уговорить думу. Он не способен закрутить гайки в экономике, предвидя смертельную опасность для страны и мобилизуя ресурсы – заводчики и рабочие обязательно начнут кампанию за его переизбрание. Он вынужден постоянно идти на поводу у тех, кто оплачивает избирательные кампании. В общем, демократический принцип избрания правителей порочен в зародыше. К тому же, сроки от выборов до выборов не дают планировать развитие страны на

долгий срок, а каждый новый правитель начинает внедрять собственные идеи. Вспомни историю еще раз: начиная с середины шестнадцатого века Иван Грозный строил засечные черты и завещал своим потомкам постепенно сдвигать их на юг. Его завет исполнялся триста лет, за которые было выстроено тридцать шесть черт, последняя из которых прошла по Тереку в середине девятнадцатого века. Как ты думаешь, удалось бы это нам, будь на Руси демократия? Если бы каждые четыре года поднимался вопрос о том, нужно это рядовому налогоплательщику Новгорода или нет?

– Да уж! – Илья даже рассмеялся, представив дебаты в Думе по поводу строительства дорогостоящих оборонительных рубежей. – Они на эти деньги, скорее бы, себе новые конюшни построили, да жеребцов из табуна «БМВ» закупили.

– Вот потому и воюем мы на поношенных БТРах, а не новеньких «трешках». – Гость завернул пробку на опустевшей емкости и опустил флягу назад в карман.

– Что теперь говорить? – пожал плечами Ралусин. – Последнего императора все равно, скорее всего, расстреляли восемьдесят лет назад вместе с законными наследниками, а подчиняться самозванцам как-то не хочется.

– Ну, почему же расстреляли? – спокойно возразил полковник. – Император, конечно, погиб, но наследник-то уцелел.

– Я, вообще, слышал эти сплетни, – мотнул головой Илья. – Но мало ли чего журналисты из желтой прессы сбредут? Им лишь бы тираж поднять. Вот и пускают слухи про императоров в Швейцарии и «черный» бюджет. Но, думаю, слухи все это. Останки царской фамилии ведь найдены и похоронены! И экспертиза генетическая была...

– Очень странная экспертиза, – добавил Чупара. – С какими-то передергиваниями и процентовкой совпадений. Но ты забываешь, капитан, что эти люди не просто представители одной семьи. Они еще и святые, православные мученики. Политика политикой, а святые мощи – это навечно. Упокоенные в Питере останки Церкви святыми мощами не признает. Потому что знает – Алексей умер не здесь. Патриарх Тихон лично передал ему в двадцать третьем году семейные архивы. Причем с согласия некоего Иосифа Виссарионовича. В связи с некоторыми договоренностями относительно регенства и будущего России... Такие вот получаются пироги.

– Этого не может быть, – решительно поднялся Ралусин. – Я специально этим вопросом никогда не интересовался, но...

– Но за три дня до казни, – все тем же спокойным тоном перебил его Чупара, – царевич Алексей упал с лестницы, после чего уже не вставал до самой смерти. Или, точнее, никто не видел, чтобы он вставал. Он не выходил к охране, к столу, его не видели комиссары... Никто не знает, кого выдали палачи за убитого царевича, но наследника трона офицерам русской армии удалось спасти.

– Почему же тогда он до сих пор о себе не заявил?

– Император Алексей Николаевич уже давно умер, капитан. Что касается его детей, то... Ага, к воротам подтаскивают подбитый БТР, – без всякого перехода закончил гость.

– Простите, товарищ полковник! – Илья Ралусин вскочил, выглянул в окно. – Мне придется ненадолго вас покинуть.

– Я понимаю, капитан, – кивнул Чупара. – Идите.

Вокруг затащенной под навес боевой машины столпились почти все свободные пограничники – приковывал даже перемотанный бинтами сержант Сергей Купик из санчасти, но Ралусин немедленно отправил его назад. Если не считать закопченного за время пожара корпуса, БТР выглядел совершенно целым. Граната пробила бронированный корпус аккуратно напротив моторного отсека, выворотив взрывом переднее правое колесо и вырвав все идущие к нему тяги – рулевую, кардан, трубку подкачки воздуха. Но, в общем, на замену рулевого рычага хватит и пары часов, а без всего остального транспортер ездить способен. Чай, не «жигули» –

военная техника. Но вот моторный блок – двигатель, главный фрикцион, коробка передач и планетарные механизмы – на первый взгляд превратился просто в месиво, из которого торчали оплавленные поршни, поблескивающие белыми сколами чугунные шатуны, покрытые черным налетом шестерни и валы... Говорить о степени повреждений не имело смысла – блок подлежал замене целиком.

– Повезло Сереге, – отметил прапорщик Юсупов, заглядывающий командиру через плечо. – Попади духи слева или чуть позади, сгорел бы, как цыпленок.

От этих слов у Ильи пропало всякое желание ругаться. В конце концов, потеряли они, действительно, только железо. Из людей никто не пострадал. Даже водитель, вон, уже бегают.

– Ладно, мужики, посмотрели и хватит. Юсупов, найдите дежурного по части, пусть наряд броню отмоет, а то смотреть страшно. Я ремонтников из дивизии вызову, чтобы к их приезду машина лучше новой выглядела. Второй БТР отгоните за офицерский городок, на Белый склон, и поставьте там. Придется его, если что, с наката заводить.

– Есть, товарищ капитан.

– Остальным проверить оружие и пополнить боезапас. Как бы еще вызова не случилось.

Ралусин посмотрел на часы и с удивлением обнаружил, что они показывают уже половину восьмого. Желудок тут же вспомнил, что обеда еще не было и требовательно заурчал. Начальник заставы поймал одного из пограничников, попросил:

– Козырев, не в службу, сбегай ко мне домой, предупреди Иру, что я сейчас подойду с гостем. Пусть приберет в квартире по-быстрому и стол накроет.

После этого Илья неспешно прогулялся до КПП у ворот, распорядился разместить и накормить прибывших с проверяющим бойцов. Потом вернулся к штабу. Посмотрел на часы: минут двадцать прошло. Пока дойдут, жена как раз успеет все приготовить. Тем не менее, до кабинета он шел еще более медленными шагами, нежели по территории части.

Чупара, сидя у него в кабинете, читал подшивку «Красной звезды». Поднял глаза, улыбнулся:

– Кроме как в частях, капитан, прессу почитать некогда. Как БТР?

– Моторный блок восстановлению не подлежит. В остальном – можно еще лет пятьдесят гонять. Как «тридцать четверки».

– Зря смеетесь, капитан, – сразу посерьезнел гость. – Наши «Т-34» до сих пор в Африке воюют. Им только стволы поменяли, систему наведения, да начинку радиоэлектронную новую поставили. И палят тяжелых «Абрамсов», только хруст стоит.

– Так я не смеюсь, товарищ полковник, – удивился Ралусин. – Я согласен, коли мне на БТРах только вооружение поменяют, двигатели и систему РЭБ. А в остальном – пусть бегают. Можно даже дырку не заваривать, второй раз снаряд в нее все равно не попадет.

Гость тяжело вздохнул, из чего стало ясно, что обновление старых бронетранспортеров относится к области несбыточной мечты.

– Кстати, товарищ полковник, время уже позднее. Может, зайдете, перекусите вместе с нами? Жена будет рада.

– Отчего бы и нет? – пожал плечами гость. – В семейном кругу посидеть всегда приятно.

Начальник заставы жил в двухкомнатной квартире на первом этаже старого, поставленного еще в начале века двухэтажного дома из прочного красного кирпича. Стены его хранили следы пуль, из чего было ясно, что в здешних местах пограничная службы всегда была не сахар, но здание выстояло и вселяло уверенность своей монументальной надежностью. Когда на Пяндже разыгрывались наиболее тяжелые стычки, Ралусин даже подумывал о том, чтобы вычистить сводчатые подвалы, поставить в них несколько топчанов, а в узких окнах установить турели для станкового пулемета. Старинное строение наверняка могло выдержать удар тяжелой авиабомбы, не то что реактивного или артиллерийского снаряда, и здесь можно было бы укрыть женщин и детей, а также уверенно держать оборону недели две – на сколько воды

и патронов хватит. Однако попытки контрабандистов пробиться через границу силой каждый раз быстро сходили на нет, и начальник заставы снова успокаивался.

У толстых кирпичных стен имелось и еще одно неоспоримое преимущество – внутри дома, несмотря на самую лютую жару, всегда было прохладно.

Ира встретила гостя в дверях, одетая в легкий шелковый костюм. Немного ниже мужа ростом, голубоглазая и улыбочивая, она могла символизировать собой образец красоты русской женщины: хорошо упитанная, круглолицая, с румяными щеками и длинной косой. При первом же взгляде на нее становилось ясно, что в доме у этой хозяйки всегда царит уют, покой и сытость.

– Что обедать не пришел? – Супруга первым делом чмокнула мужа в щеку и только после этого обратила внимание на гостя: – Здравствуйте, раздевайтесь. Сейчас я вам тапки дам. Илья, там у вас опять стрельба слышалась. Что случилось?

– А, ерунда, – с показной небрежностью отмахнулся Ралусин. – Опять пара дехкан гашиш проташить пыталась...

Капитан пристально посмотрел полковнику в глаза и еле заметно качнул головой из стороны в сторону. Тот понимающе кивнул и расплылся в широкой улыбке:

– Рад познакомиться. Ваш муж рассказывал о вас очень много хорошего.

– Здравствуйте, дяденька! – хором поздоровались высунувшиеся у мамы из-за спины две девочки, после чего одна из них спросила: – А что вы нам привезли?

– Шоколадку, – ответил гость. – Только я ее в машине забыл. Я ее вам завтра через папу передам, хорошо?

– Девочки, ну, как не стыдно попрошайничать! – попыталась осадить их мать, но Чупара успокаивающе кивнул:

– Ничего. Именно так дети и должны себя вести. Близнецы? Сколько им?

– Четыре и три. Погодки, – прижала хозяйка малышей к себе. – Младшая уже здесь родилась. Да что вы в дверях стоите? Проходите к столу. Борщ есть будете?

– Борщ? Звучит соблазнительно.

– Так проходите, садитесь. Я сейчас принесу.

На застеленном скатертью столе в ближней комнате уже стояло угощение: большое блюдо с нарезанными огурцами и помидорами, тарелка с бужениной, две банки рыбных консервов, влажный, белый и рассыпчатый местный сыр, больше похожий на брынзу, бутылка водки.

– Я вижу, к тебе здесь относятся с уважением, – покачал головой гость. – Моя супруга сама никогда коньяк не выставит. Каждый раз уговаривать приходится.

– Это она зря, – укоризненно покачал головой хозяин дома. – Немного алкоголя вечером и для сердца полезно, и нервы хорошо успокаивает.

Илья разлил водку по рюмкам, не забыв и жену. Вскоре показалась и Ира, неся в руках огромную супницу. Комната моментально наполнилась едким, чуть кисловатым запахом вареного мяса. Гость сглотнул слюну, предвкушая угощение.

Размешав суп большой мельхиоровой поварешкой, хозяйка наполнила всем тарелки, присела сама.

– Давайте за встречу, – предложил Илья, подняв рюмку.

Все согласно чокнулись, взяли за ложки, и в воздухе надолго повисла тишина. Закончив еду первой, Ира поднялась:

– Вы меня извините, детей уложить нужно. Я немного попозже подойду.

– Нет, ничего, – привстал со своего места гость.

Когда они остались наедине, Ралусин снова наполнил рюмки, на этот раз только две:

– За тех, кто в дозоре.

– Да, за это выпить нужно, – согласился полковник, опрокинул водку в горло и решительно отодвинул рюмку в сторону. – А интересный у нас с тобой разговор в штабе получился.

– Вы о чем, товарищ полковник?

– Обо всем, капитан. Я, кстати, давно к тебе приглядываюсь. Небогато живешь. Наркотики, что взял, сжигаешь полностью, никто из таджиков рядом не крутится, дорогу для своих открыть не просит. То есть, на лапу не берешь. Бойцов своим к местным на приработки не отпускаешь, отпусков им не продаешь. Даже топлива казенного у тебя, я слышал, никто ни одного литра не купил. Неужели на один оклад существуешь?

– Да вы... – Ралусин ощутил, как кровь ударила в голову, и лицо налилось краской. – Как вы... За кого вы меня держите?!

– За начальника заставы. – Гость взял с тарелки кружок помидора, старательно посолил и положил на язык. – Почти все хоть как-то пытаются к окладу денежку прибавить. Кто-то солярку или стройматериалы помаленьку «налево» пускает, кто-то солдат на бахчу дает, чтобы меню арбузами разнообразить, кто-то «своим» проходы открывает. Последних мы, естественно, убираем. Остальных терпеть приходится. Кто не без греха?

– У меня пока еще офицерская честь сохранилась, товарищ полковник! – бросил вилку на стол капитан. – Я Родину по кусочкам продавать не собираюсь!

– Ты нештатное белье, кроссовки, спальники и радиостанции портативные за какие деньги купил?

– Черт... – Ралусин поставил локти на стол и закрыл лицо руками. – Черт! Ну, невозможно, товарищ полковник, в наших буцах по двадцать километров в день пограничникам отмахивать! И зимой им легкое теплое белье нужно, а не наши ватники. Пока в них идешь – жарко. Как остановился – холодно. И без спальника в секрете хреново. Не отдохнуть толком. И рации штатные армейские – дерьмо. Нам секретность ни к чему, нам уоки-токи сойдут, для оперативной связи. Тревогу поднять или условный сигнал одним словом произнести. Вы хоть раз ящик с рацией на спине таскали?

– Вы забыли ответить на мой вопрос, капитан, – укоризненно покачал головой гость.

– «Шишигу»¹ в прошлом году таджикам для вывоза урожая дал.

– Все-таки, никто не без греха, – цыкнул через зубы Чупара. – Ну да ладно, мне другое интересно. Зачем тебе понадобилось ко всему этому снаряжению семь банок растворимого кофе докупать?

– Деньги еще оставались, вот и купил на них кофе, тревожным группам на дежурстве взбадриваться.

– Значит, ни копейки в карман, но и ничего от себя?

– Пятнадцать рублей добавил, – хмуро ответил капитан.

– Да ты налей, – рассмеялся гость, – никто тебя за этот кофе сажать не собирается. Будь моя воля, в пример бы поставил, как начальник о заставе заботится, боеготовность повышает вопреки стараниям службы снабжения и желаниям руководства среднего звена. Однако, нельзя. Все-таки нарушение дисциплины. Так что, капитан, какие у тебя дальнейшие планы?

– Родине собираюсь служить, – все так же хмуро ответил Ильин. – Честно.

– Это понятно. Только какой Родине? Той, что из себя толпу нестройную представляет, в которой каждый только о себе думает, и лишь один из ста – о России? Или все-таки земле предков? Народу русскому?

– Какая разница? Пока я стою на Пяндже и отлавливаю в неделю хоть по одному наркокурьеру, то несколько сот людей в год в российской глубинке я от смерти спасаю. От заразы, что в нас постоянно влить пытаются. Значит, в любом случае страну свою защищаю.

– Это верно, защищаешь, – кивнул гость. – Но вот ведь какой нюанс существует. Рано или поздно, но тебе и прямые приказы выполнять приходится. А значит, все равно нужно решить, чьи интересы ты в первую очередь намерен учитывать. Генерала, который перед визи-

---

¹ Шишига – «Газ-66»

том начальника выслужиться хочет. Политика, что к выборам хочет рейтинг поднять. Или все-таки России, существующей как единая и неделимая страна, больше четырех тысяч лет?

– Россия сама по себе приказы отдавать не умеет. – Капитан подумал, взял таки бутылку и налил рюмки. – Для этого существует Генеральный штаб, командующие округами и отдельными подразделениями.

– У России есть символ и законный властитель, капитан, – полковник ненадолго плотно сжал губы, а потом решительно продолжил: – Его императорское величество государь российский Павел Третий. Человек, в чьих жилах по сей день течет частица крови отцов-основателей нашей страны, князей Словена и Руса². Человек, смысл жизни которого есть благополучие России вне зависимости от сиюминутных увлечений толпы или интересов отдельных олигархов. Потому что он и есть – наша страна, и не имеет иных интересов.

Илья взял налитую стопку, выпил ее одним движением, налил снова и опять выпил, забыв закусить. С минуту помолчал. Спросил:

– Это что, шутка такая?

– Я похож на человека, который может шутить на такие темы? – удивился гость. – Хорошо, тогда я выражусь более ясно. Я знаю, что ты честный и правильный офицер, Илья Ралусин. Ты толков, находчив. Пока еще молод и крепок. Мне жалко, что ты находишься здесь. Начальником заставы может быть и менее находчивый, просто исполнительный человек. Возможно даже, не настолько чисто плотный в финансовом отношении. Ведь здесь главное – просто не пропускать никого через реку. Это ответственная, но не самая сложная задача. Скажу прямо: тебе пора на повышение, капитан. Вопрос заключается в том, что ты предпочтешь: честно и добросовестно выполнять не самые толковые приказы не всегда праведных командиров, или все-таки служить России и ее государю? Что предпочтешь: постоянно сменяемый строй, или единственную Родину?

– Ваше предложение сильно смахивает на предложение изменить присяге.

– Полноте, капитан, – ничуть не обиделся гость. – Ну, что вы, в самом деле! Мое предложение означает именно служение Отчизне. Искренне и от души. От вас ведь не требуют перейти во враждебный России лагерь, во вражескую армию, проводить диверсии против своих. Как раз наоборот. Государь искренне заинтересован в сохранении боеспособности русских войск. Я целиком и полностью полагаюсь на ваш здравый смысл, и даже готов принять от вас клятву, что вы не станете выполнять указаний, которые смогут навредить нашей стране. Но, надеюсь, вас не сильно беспокоит безопасность наших вероятных противников? В частности, многие наши офицеры передают действительно секретные данные о структурах Пентагона, боеспособности британских или французских войск. Но никто – о деятельности российских служб. На данном этапе это для нас не очень важно. Ведь вы не сочтете изменой, капитан, если я попрошу вас разгласить известные вам сведения об укреплениях с афганской стороны, но никак не поинтересуюсь вашими?

– Вы стали называть меня на «вы», товарищ полковник, – заметил Ралусин.

– Я нервничаю, – признался гость и резко выпил свою порцию водки. – Не каждый день приходится рассказывать о деятельности императора, и о своей присяге ему. Не так часто я предлагаю людям встать рядом со мной в честном служении нашей единственной и неповторимой Руси. Хотя, конечно, ничего секретного в этом нет. Про существование государя Павла Третьего знают все заинтересованные стороны, спецслужбы, многие офицеры высшего командного состава и государственные служащие. Некоторые его уважают, многие враждебны, но есть и те, кто встал ему на службу. Правда, разумеется, мы не очень распространяемся об

---

² Основатели страны – Согласно летописям Холмогского монастыря на р. Мологе, а также «Сказанию о Словене и Русе», вышеупомянутые князья в 3099 году от сотворения мира (2409 год до н. э.) основали на месте нынешнего Новгорода первую столицу древней Руси, город Словенск.

этом в средствах массовой информации. У императора нет ни малейшего желания стать героем желтой прессы. Так что статейки про него большей частью состоят из пустого словоблудия. Потому-то многие и не верят в государя. Считают вымыслом. Никаких телеинтервью Павел тоже, естественно, не дает. Он делает серьезное дело, а не занимается дешевым пиаром.

– Значит, товарищ полковник, вы думаете, что заметки про существование наследника трона, слуги о его чудесном спасении, попытках тайно поддерживать обделенных – это не домыслы, а вполне реальные факты?

– Я не думаю, капитан, – усмехнулся Чупара, – я знаю.

– Если не секрет, – задумчиво погладив себя по горлу, поинтересовался Ралусин, – чем таким серьезным государь-император занят в данный момент?

– Ты ожидаешь услышать что-нибудь идиотское, капитан? В духе «Короны Российской Империи»? Про сутяжничество по поводу родословной или пьяных драк в кабаках во имя царского величия? Нет, капитан. В данный момент Павел Третий пытается спасти русскую военную авиацию. Точнее, ее дальние бомбардировщики.

– Это как? – склонил голову набок Ралусин. – Молится за ее восстановление?

– Да, государь набожен, – спокойно кивнул гость. – Но есть более эффективные средства. Ты, наверное, не знаешь, капитан, что начиная с тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года на вооружение нашей армии стали поступать стратегические ударные авиакомплексы «ТУ-160». Разумеется, лучшие в мире, и разумеется, равных которым у наших врагов нет даже в проекте. Всего было построено тридцать шесть машин, из которых девятнадцать после разорения страны оказались на Украине, в Прилуках. В настоящий момент, пока мы с тобой пьем водку, их торопливо режут на куски под присмотром группы американских специалистов, специально ради подобной удачи прилетевших из Штатов, и следящих за тем, чтобы после уничтожения этих бомбардировщиков даже маленькой детальки, годной в дело, не осталось.

– Вот бя... – у Ильи от ненависти скрипнули зубы. – Наши лучшие машины – под нож?

– Янкесов можно понять. В воздухе «тушки» сбить практически невозможно, а каждая из них способна уничтожить четверть Америки или любой из ее флотов. Они просто пользуются моментом, лихорадочно торопясь избавиться от вражеского оружия без крови и лишних расходов. Хохлам эта техника без надобности, она для них слишком дорогая. Нашим министерствам, военным, чиновникам тоже все без надобности. Ведь от исчезновения девятнадцати боевых самолетов клубника на грядках под Москвой хуже расти не станет. Всем им от этого ни тепло, ни холодно. Им ведь страна не интересна. Они владеют не Россией, а дачками и квартирами, о которых и думают в первую очередь. Хозяин в стране один, и пока живет не здесь. Государь потратил больше сорока тысяч долларов на взятки бюрократам разного уровня, чтобы они списали эти «птички» на баланс российской армии как слишком дорогие для хранения даже в условиях консервации и отпустили «ТУ-160» домой. Но в последний момент выяснилось, что во время последнего визита Кучмы в Москву одна тварь вела несанкционированную запись. Америкосы пригрозили украинскому президенту, что обнародуют подробности его переговоров, если он отдаст самолеты нам. А поскольку на встречах подобного уровня зачастую обсуждают не самые приятные моменты... Или, скажем, весьма щекотливые... В общем, обнародование записи почти наверняка приведет к импичменту, перевыборам, да еще и тюрьмой рискует окончиться. Короче, украинский президент загнан в угол, «поколение «пепси» радостно бьет его ногами, не боясь получить сдачи, а их заокеанские покровители быстренько хрумкают в куски наш оборонительный щит.

– Ч-черт! И что теперь?

– Мы вычислили «крота», уничтожили его компьютер, но сам он успел уйти. Аэропорты были перекрыты, так что предателю пришлось убежать практически пешком. При нем должен быть лазерный диск с компроматом.

– Да он эти данные давным-давно по электронной почте послал!

– Нет, капитан, – покачал головой гость, – не посылал. Тебе трудно понять, но эти существа мыслят не так как мы. Для них нет интересов родины или стремления выполнить задание любой ценой. Для них главное – деньги. Если выпустить данные из рук, платить за них никто уже не станет. Нет, «крот» несет их с собой, чтобы обменять на твердую валюту.

– На Украину?

– И опять нет, – усмехнулся полковник. – Там нет долларов. Зато там есть много людей, преданных или президенту, или государю. Выродка разорвут там в куски, как только он проявится. Предатель пошел «вокруг». Через плохо контролируемый властями Таджикистан в Афган, Пакистан – и прямым рейсом к хозяевам, в штат Колумбия. Это устраивает всех. Америкосов – потому, что, пока «крот» не пойман, Кучма все равно остается «на крючке» и не может делать резких движений. Предатель попадает, туда, куда стремился с детства, без лишних телодвижений. Если предположение, что он получит деньги немедленно по переходу здешней, слабо охраняемой границы – это ему тоже нравится. Компромат попадет к хозяевам тоже сразу после перехода границы «кротом». Они ждут этого часа с нетерпением. В общем, хорошо практически всем. Шило колет только меня. Я поклялся императору Павлу, что верну самолеты в строй, а каждый день просрочки стоит нашей армии одного «ТУ-160». Их режут, капитан, как сгнившие на улице «запорожцы».

– Вы думаете, «крот» здесь?

– Да. Есть информация, что он засветился в Курган-Тюбе. Хотя, чего я буду тебе голову морочить? Зафиксирован международный звонок отсюда в Штаты. Просто и нагло. Сигнал шифрованный, но это значения не имеет. Предатель здесь, а напротив твоей заставы выявлена активность в эфире. По всем признакам получается, сюда он идет. Здесь нужно ждать.

– Вот, значит, почему вы нашу заставу так обхаживаете...

– Именно. А потому, капитан, хочу сказать тебе две вещи. Ты можешь отказаться. Ты все равно получишь повышение, я тебе обещаю. И станешь жить, как большинство обычных средних служаек. Я все равно вычислю урода и уничтожу. Ведь его голова – это тоже носитель информации. Он может выступить свидетелем в конгрессе. У меня есть несколько ребят, которые не в курсе дела, но верят, что мои приказы всегда правильны. Однако, капитан, ты здешний пограничник, и у тебя это дело получится намного лучше. Если ты готов присягнуть на верность государю земли русской, докажи это делом. Уничтожить «крота» можем только ты или я. Стрелять по сотруднику Федеральной Службы Безопасности решится не каждый солдат. А всем вокруг рассказывать о предательстве среди своих мне не хочется. Нехорошо как-то такие вещи на свет выставлять.

– ФСБ? – удивился Ралусин.

– А ты думал, доступ к правительственным зданиям может получить любой прохожий?

– Черт! – опять потянулся к бутылке Илья.

– Ты, думай, капитан, – остановил его гость. – Время жить в покое и неведении для тебя закончилось. Я обращаюсь к тебе от имени государя Российского. Ты нужен престолу и Родине. Настал час принимать решение. Присяга Российской Империи – или жизнь как у всех. Времени у тебя только до утра. Ночью он не пойдет. В темноте в горах только самоубийца на прогулку отважится, это не Москва. Но нужно решиться, ты с нами или ты – как все.

* * *

Начальник заставы разбудил Чупару в шесть часов утра. Немного выждал, пока гость придет в себя, а потом развернул перед ним планшет:

– Вот, смотрите. Вокруг нас горы, особо не разгуляешься. На самом удобном подступе стоит застава. Здесь никто не пойдет. Людей местных слишком мало, дежурный обязательно проверяет документы у каждого прохожего. Тем паче, что «случайных людей» в здешних

местах не бывает. Остаются два направления. На восток от нас довольно широкая долина, подступающая к реке. Там много скал и несколько наших секретов. Но все они следят за афганской территорией. То есть, вы со своими людьми можете занять позиции позади постов и следить за долиной. К западу от заставы есть только одно ущелье. Поскольку я один, то именно туда я и пойду. Вопросы есть, товарищ полковник?

– Да вроде ни одного... – протер глаза представитель штаба. – Сколько у нас времени?

– Ни минуты, – покачал головой капитан. – Уже начинает светать. Если ваш «крот» догадался заночевать на местности вблизи границы, то он прямо сейчас может отправляться в путь. А нам еще нужно не менее получаса, чтобы выбрать и занять позиции. Поэтому завтрака не будет.

– Понятно, – выбрался из постели полковник и начал торопливо одеваться. – Вот потому-то мне до сих пор потолстеть и не удастся. Завтраков в своей жизни я могу насчитать всего несколько штук.

Офицеры разошлись прямо возле дома. Полковник отправился поднимать свою охрану, а Ралусин, взяв с собой одного бойца из «тревожной» группы, вышел на запад.

Илья по сей час не был уверен в том, что все, рассказанное гостем – это не пустая пьяная болтовня, и что российский император Павел действительно существует, что действительно есть люди, которые принесли ему присягу и честно ее выполняют. Но... Но он был пограничником, и знал – рубежи его Родины не должно пересекать никому. А имеют попытки пересечения своей целью протащить реальный наркотик или мифический компромат на украинского президента – дело второстепенное. Границу нельзя нарушать никому. Точка.

За полчаса они с бойцом из второго взвода вышли к Дождевому ущелью. Капитан специально выбрал тропу, ведущую вдаль от Пянджа. Он не хотел ни дежурный наряд понапрасну тревожить, ни наблюдателям с «той» стороны на глаза попадаться. Зачем? А вдруг они и вправду ждут перебежчика? Могут как-нибудь предупредить...

– Зимин, – приказал он солдату. – Переходи на ту сторону, выбирай позицию. Цель наблюдения: засада против возможного нарушителя с таджикской стороны. Вопросы есть?

– Никак нет! – Двадцатилетний «дед», которому до конца контракта оставалось всего полгода, легко перебежал через неглубокое, всего метров пять, каменистое ущелье и растворился среди камней. Ралусин отступил к огромному валуну и залег в его тени. Отсюда прекрасно просматривались и размытая водой трещина в гранитной земле Таджикистана, и участок плоскогорья, уходящего в сторону Афганистана.

Впрочем, Илья был уверен, что по плоскогорью «крот» не пойдет – ни здесь, ни через равнину, которую перекрыл со своими людьми Чупара. На ровном месте человека слишком хорошо видно. Перебежчик предпочтет пойти по ущелью.

Начальник заставы расстелил на камни «пенку» из полистирола и лег сверху. Прямоугольник вспененного пластика толщиной в сантиметр и шириной полметра прекрасно предохранял тело и от жестких ребер валунов, и от идущего снизу холода. Именно ради подобных случаев он и купил на вырученные за «Шишигу» деньги полсотни «пенек» для уходящих в «секреты» пограничников. Автомат капитан положил рядом с собой, зацепив на всякий случай ремень за локоть, портативную рацию переложил в кармашек на плече, и приготовился к долгому ожиданию. Дело привычное. Примерно треть своей службы Илья провел именно в таком ожидании – в ожидании нарушителей, наркокурьеров, контрабандистов. И только в одном случае из ста на него действительно кто-то выходил.

Ралусин положил голову на руки и прикрыл глаза, наострив уши. Все равно из-за камня многого не увидишь, а пройти по камням бесшумно – невозможно. Где-то очень далеко жиз-

нерадостно журчала вода, чуть ближе деловито цокал кеклик³. Тихо и убаюкивающе шуршал ветер.

Неожиданно капитан различил среди привычных звуков посторонние стуки и приподнялся. Стуки приближались. Ралусин подтянул автомат и посмотрел на часы: восемь двадцать. Рановато. Даже из ближнего Джеликула до границы так быстро после рассвета не дойти. Неужели и вправду нарушитель где-то в горах ночевал? Это плохо. Значит, человек опытный.

Загрохотал выкатившийся со своего места камень. Совсем уже близко. Начальник заставы приподнялся на локте и вжался в темный тенистый откос огромного, нависающего над головой валуна. Затаил дыхание.

Опять что-то стукнуло, кто-то негромко матернулся, еще минута – и в ущелье показался человек. Он уже прошел мимо валуна, и теперь Илья видел его спину: засаленный ватный халат с большим темным пятном между лопаток, сдвинутую на затылок тюбетейку и мелькающие белые подошвы кроссовок. Капитан усмехнулся, бесшумно поднялся с пенки, сделал несколько крадущихся шагов, прыгнул на пологий склон и быстро сбежал вниз. Почти одновременно поднялся Зимин с той стороны:

– Стой, кто идет!

Нарушитель метнулся назад и едва не сбил с ног капитана.

– Ку-уда? – усмехнулся офицер, направив ствол автомата незнакомцу в живот, с интересом разглядывая его небритое, щекастое лицо, бесцветные глаза и темные кудри, лезущие из под местной шапчонки. – Тебе же сказали: стой. И руки подними?

– Й-а нэ понимай, – попытался изобразить акцент нарушитель, но получалось у него плохо.

– Что же это ты? – удивился Ралусин. – Халат туркменский, прононс английский, харя рязанская. Под какой язык косить собираешься?

– Спокойно, мужики, – на удивление быстро сориентировался задержанный. – Я свой. Вы ведь пограничники?

– Зимин, дуй на заставу, приведи группу для конвоирования нарушителя, – скомандовал Илья.

– Но, товарищ капитан... – неуверенно протянул руку к рации боец. – Может...

Собственно, даже если начальник заставы считал нужным соблюдать радиомолчание, почему бы и не довести задержанного самим? Первый раз, что ли?

– Зимин, выполняйте приказ, – холодно распорядился Ралусин.

– Есть, товарищ капитан, – пограничник задавил в себе сомнения и неторопливой трусцой побегал в сторону заставы.

– Да я свой, капитан, – повторил лже-таджик. – Федеральная служба безопасности.

Он опустил было руки, и Илья моментально толкнул большим пальцем вниз флажок предохранителя и передернул затвор. Нарушитель тут же вздернул ладони выше прежнего, зачарованно глядя в черное отверстие ствола.

– Сложи руки в замок и поверни ладонями вверх, – приказал Ралусин. Он знал, что из такого положения быстро начать действовать довольно трудно.

– Я полковник ФСБ, офицер, – повторил нарушитель, хотя команду выполнил. – Я на специальном задании. У меня в нагрудном кармане рубашки документы. Можете проверить.

Ралусин, продолжая держать чужака под прицелом, вытянул левую руку, запустил ее под халат, нащупал карман рубашки, достал из него твердые «корочки», отступил на несколько шагов, чтобы не дать нарушителю шанса кинуться вперед, пока он смотрит документы.

---

³ Кеклик – порода птицы, водящийся возле Пянджа

– Ковалев Роберт Сергеевич, – вслух произнес он. – Что же это вы, гражданин полковник, на специальное задание со всеми документами отправляетесь? И местную заставу не предупреждаете?

Капитан снова подступил ближе, снова запустил руку под халат. Ощупал рубашку, брюки. Ничего. Илья обошел задержанного сзади, начал медленно и тщательно проверять халат: воротник, спину, плечи, рукава, пояс, длинные, свободно свисающие полы. Именно здесь, внизу, он и обнаружил жесткую вставку.

– А это...

Нарушитель резко вскинул ногу, намереваясь нанести удар носком кроссовки в горло – но Ралусин успел немного отклониться, и пыльная подошва только чиркнула его по лицу. Полковник ринулся бежать в сторону границы – и вот теперь Илья без всяких колебаний выпустил ему в спину длинную очередь. «Крот» упал сразу, врезавшись лицом в мелкую гальку, пару раз дернулся и затих. Капитан поднялся, подошел, присел рядом на корточки, снова нащупал вставку, достал нож и вспорол прокладку.

Так и есть – там лежал сверкающий радужными отливами лазерный диск, спрятанный в картонный конверт. Ралусин попытался посмотреть его на свет, усмехнулся и с силой сжал кулак. Диск жалобно хрустнул и превратился в две половинки. Илье этого показалось недостаточно, одну из половинок он кинул на камни и несколько раз ударил прикладом, превращая секретную информацию в мелкую крошку. А потом уселся рядом с телом и стал ждать.

Первым примчался Чупара. Да и не удивительно – ведь УАЗик был только у него. Оставив охрану в машине, полковник быстро сбежал в ущелье, перевернул погибшего на спину и тут же облегченно вздохнул:

– Он! – Представитель первого отдела достал фотоаппарат, сделал несколько снимков. – А диск где?

Илья молча ковырнул носком ботинка пластиковую крошку.

– Ну и черт с ним... – Чупара вернулся к УАЗу, достал из салона ноутбук, положил на капот, открыл. С помощью гибкого шнура подключил фотоаппарат к компьютеру.

Начальнику заставы стало любопытно, и он тоже поднялся вверх. К этому времени на экране уже красовалось скрюченное в предсмертной муке лицо «крота».

– Сейчас, – покосился на пограничника полковник. – Сейчас мы через спутниковый телефон его по электронной почте отправим. Есть люди, которым эта картинка очень понравится. И его хозяева наверняка сообщение отследят и просмотрят. Пусть тоже любуются, им полезно.

На глазах у покойника неожиданно появился синий прямоугольник с надписью: «Сообщение отправлено, ожидается ответ». Потом исчез.

– Все! – Полковник сложил ноутбук и довольно рассмеялся. – Дело сделано! – Он посмотрел на часы: – Десять. На Украине рабочий день еще не начался. Думаю, сегодня его и не будет. Успеют отменить. Сегодня многим уродам в братской Хохляндии придется несладко. Кучма за пережитое унижение оторвется по полной программе.

Ралусин опустил руку в карман, нащупал удостоверение сотрудника ФСБ, достал его и протянул Чупаре.

– Ага, Ковалев, – заглянул он внутрь. – Ну, что же, спасибо капитан. Эту тушку спишите, как неопознанное тело. Он теперь никому на этом свете не нужен. А ты, Ралусин, готовь смену. Думаю, больше двух месяцев тебе на заставе уже не просидеть. Жди перевода.

Полковник крепко пожал Илье руку и забрался в УАЗ.

Саратов, железнодорожный вокзал. 27 ноября 1999 года 10:05

Состав плавно подкатился в платформу, остановившись настолько аккуратно, что Ралусин так и не заметил этого момента. Проводница открыла дверь, и капитан, подхватив с пола мягкий желтый чемодан, размером немногим больше портфеля, вышел на асфальтированный перрон.

На улице было пасмурно и довольно прохладно. Даже морозно, хотя несколько небольших лужиц замерзать пока еще явно не собирались. С открытой стороны платформы открывался вид на темные пологие сопки за городом.

– Хотя, сопки – это, кажется, Дальний Восток, – поправил себя Илья. – Здесь они должны называться холмами или горами.

Он медленно двинулся по платформе, раздумывая над полученным в штабе дивизии предписанием прибыть в Саратов и ждать указаний. Даже гостиницу, в которой следовало остановиться, не назвали. Как тогда найдут?

– Капитан Ралусин? – отдал честь молоденький ефрейтор, явно срочник.

– Да, – ответно вскинул руку к шапке Илья.

– Мне приказано встретить вас и проводить к машине. Идемте со мной.

«Встретить и проводить к машине? – мысленно изумился Ралусин. – Может, еще и почетный караул выстроили?»

Однако вслух он ничего не сказал и быстрым шагом двинулся за солдатом. На площади перед вокзалом ефрейтор повернул к сверкающей свежепомытыми боками «Волге», что стояла под запрещающим знаком, уселся за руль. Илья обошел машину с другой стороны, но на пассажирском сиденье обнаружил полковника Чупару, читающего газету.

– Доброе утро, капитан, – кинул он, опустив стекло. – Садитесь сзади. Я объясню вам все после.

– Вы приехали за мной, товарищ полковник?

– Да, капитан, – пожал плечами Чупара.

– Как же вы меня нашли?

– Похоже, вы совсем забыли, что покупали билет через воинскую кассу и предъявляли там свои документы, – укоризненно покачал головой полковник. – Садитесь в машину, капитан. Я объясню вам все по приезде.

Ралусин уселся на обитый вельветом широкой задний диван, поймал на себе в зеркале любопытный взгляд ефрейтора. Да уж, наверное, не часто полковники приезжают на вокзал встречать младших офицеров. «Волга» подалась назад, развернулась и стремительно влилась в поток машин. По сторонам замелькали стандартные блочные пятиэтажки, в проеме одной из улиц ненадолго показались, словно желая доказать древность волжского города, высокий белоснежный собор с золотыми куполами и ряд трехэтажных доходных домов.

Вскоре они выехали на длинный мост, пересекли реку, размерами больше напоминающую морской лиман, проскочили мимо указателя «город Энгельс», промчались по широкой главной улице и вынеслись на загородное шоссе. К удивлению Ралусина, видевшего с вокзала горы, во все стороны расстилалась равнина, местами поросшая кустарником. Минут через двадцать справа потянулся высокий бетонный забор. «Волга» сбросила скорость, повернула к синим воротам со звездами на створках. Ефрейтор посигналил. Из калитки выглянул младший сержант со штык-ножом на ремне, скрылся, и ворота медленно открылись.

За забором оказались дикие заросли осинника, уже потерявшего почти всю листву. На ветвях оставались только отдельные ярко-желтые пятна. Оставалось непонятным, кому и зачем понадобилось огораживать и охранять подобную глушь.

Машина, стремительно сорвавшись с места, быстро набрала скорость, понеслась по прямой, как натянутая нить, бетонке, глухо постукивая колесами на стыках светло-серых плит, и Ралусин ощутил едва уловимый знакомый аромат, напоминающий запах раскалившегося на солнце БТРа.

- Поезжай сразу на третью взлетку, – приказал ефрейтору Чупара.
- Слушаюсь, – кивнул водитель.

Осинник резко оборвался, и Илья увидел впереди несколько до боли знакомых «хрущевок», напротив которых над самым горизонтом поднималось множество белоснежных крыльев – хвостовых стабилизаторов крупных самолетов. «Волга» повернула к ним, обогнула центр управления полетами – пятиэтажный дом с шестигранным стеклянным «аквариумом» наверху – и остановилась в самом начале длинного ряда самолетов. Некоторые из них были пограничнику знакомы. Например, огромные транспортные «ИЛ-76», или точно такие же «Илы», но с огромным грибом над фюзеляжем. Таких стояло бок о бок целых пять штук. Впервые он увидел небольшие самолеты с надписью «АН», крохотными шасси под брюхом, верхним расположением крыла и огромными турбореактивными двигателями, буквально нависающими над кабиной. Здесь имелись и остроносые лупоглазые «ТУ-22», успевшие повоевать еще в те годы, когда Ралусин ходил в наряды в военном училище, и редкостные «СУ-17».

- Выставка, что ли? – оглянулся Илья на полковника.
- Иди-иди, – кивнул Чупара. – Скоро узнаешь.

Неожиданными в строю огромных реактивных машин оказались стоящие в три ряда «АН-2». Всегда казавшиеся Илье довольно большими, здесь эти рабочие лошадки сельской авиации выглядели просто крохотными.

Следующими на стоянке были тощие, как селедки, и длинные, как железнодорожный перрон многолопастные «ТУ-95», выставившие вперед черные клювы топливоприемников. Они напоминали девочек-подростков с худенькими ножками-спичками и большими бутсами на толстой подошве – однако возвышались над людьми почти на четыре роста, а тонкие длинные стойки опирались на колеса такого диаметра, что каждое приходилось Ралусину по грудь. Здесь кипела работа: десяток техников пытались что-то установить в открытые бомболюки. Прямо от передней стойки на «взлетку» опускался подъемный трап, на котором стояли два летчика в противоперегрузочных костюмах.

– Его императорское величество государь Павел Александрович, – негромко начал Чупара, – зная о том, что ты совершил на границе, капитан Ралусин, решил, что ты обязательно должен это увидеть.

- Что?
- Они впереди, смотри.

Илья пригнулся, заглядывая за «девятинопятки». Следующими на бетоне отдыхали огромные белоснежные красавцы, очень похожие на «ТУ-22»: такие же остроносые, с высоким оперением, трехстоечным шасси, «глазастой» кабиной. Вот только размеры... В каждом из стоящих за «ТУ-95» самолетов поместилось бы по паре «двадцать вторых». Они имели в длину никак не менее шестидесяти метров.

«Шесть рейсовых «Икарусов», – мысленно перевел в зрительно более понятные категории Ралусин.

Размах крыльев могучей машины составлял примерно столько же, сколько и длина, верх оперения находился на высоте шестиэтажного дома. Мотогондолы висели под брюхом, словно спрятавшиеся от непогоды пенцы.

– Знакомьтесь, капитан, – предложил Чупара. – Дальний бомбардировщик «ТУ-160». Максимальный взлётный вес: двести семьдесят пять тонн. Из них сто сорок с половиной тонн – топливо, а еще сорок пять – боевая нагрузка. Крейсерская скорость: восемьсот километров в час. Максимальная: две с четвертью тысячи километров. Больше двух звуковых. Дальность

полета на одной заправке: четырнадцать тысяч километров. Экипаж: четыре человека. В принципе, этот самолет способен нанести ракетно-ядерный удар такой же мощности, что и атомная подводная лодка.

– Вот это да-а-а... – протянул Илья, двигаясь под самолетами. Неожиданно он заметил еще одну черту, объединяющую крылатые ракетноносцы и подводные лодки: самолеты имели имена. «Илья Муромец», «Иван Ярыгин», «Василий Решетников», «Михаил Громов»...

– Четвертый, пятый, шестой, – громко отсчитывал полковник, идя вслед за Ралусиным. – Пришли.

– А что такое? – не понял Илья.

– Шесть, капитан, – указал на оставшиеся позади самолеты Чупара. – Еще неделю назад в нашей стране их оставалось всего шесть штук. А сейчас – четырнадцать. Восемь из них твои, капитан. Мы получили их с Украины после того, как ты избавил Кучму от шантажа. Вот они, смотри. Все восемь.

Действительно – стоящие за «Михаилом Громовым» самолеты не имели имен, а на своих плоскостях все еще несли желто-голубые круги и трезубцы.

– Скоро переокрасят, – сообщил полковник, поймав его взгляд. – Пять дней, как прилетели. Эмблемы чужие снять еще не успели, но они уже наши. Наши.

Ралусин, глядя на огромных птиц, стоящих на взлетно-посадочной полосе, почувствовал, как у него защемило сердце. Господи, как можно было пускать под нож таких красавцев?! Ведь они... Они почти живые! Хотя, конечно, для кого и красавцы, а кому – смертельно опасные хищники. Шакалы никогда не любят, если рядом с ними поселяется лев. А для современной техники планета стала невероятно маленькой.

– Сколько, говорите, у него дальность полета?

– Четырнадцать тысяч километров.

– Это же треть экватора!

– Да, капитан.

– Черт возьми, – покачал головой Илья. – Мы ухитряемся делать бомбардировщики, способные долететь от Москвы до Вашингтона, а на заставах до сих пор бегают БТРы, выпущенные тридцать лет назад.

– Для выполнения разных задач требуется разное оружие, капитан, – пожал плечами Чупара. – Где-то – «ТУ-160», где-то – «Т-80», а где-то лучше всего подходит остро отточенный нож. Зачем вам для ловли контрабандистов бронемашина с системой радиоэлектронной борьбы, противотанковыми и противосамолетными ракетами, постановщиками дымовой завесы и выкрашенная радиопоглощающим покрытием?

– Нам бы двигатели новые...

– Моторы будут, капитан. Кстати, а ножом вы работать умеете?

– На заставе всякое приходилось делать... – ответил Илья, продолжая любоваться самолетами. – А потрогать их можно?

– Думаю, да, – рассмеялся полковник.

Ралусин подошел к передней стойке, потиснувшись между огромных колес, положил ладонь на алюминиевый столб. Оглянулся на Чупару:

– Холодный.

– Так не май месяц на улице, капитан.

– А внутрь зайти можно?

– Не знаю. Нужно спросить у командира полка. Он нас ждет.

– Ждет? – вскинул брови Илья.

– Да, – широко улыбнулся Чупара. – Костя прекрасно знает, каким образом к нему в первый транспортно-бомбардировочный авиационный полк Российской Федерации попала новая техника.

Помещение штаба радовало своим первозданным, еще советским обликом: сверкающие чистотой стены и потолок, красная ковровая дорожка на ступеньках лестницы, часовой возле знамени. Сразу становилось ясно, что здесь, на аэродроме, в прежнем объеме сохранилось или финансирование, или призыв: соблюдать все в сверкающем состоянии обычно удается только руками солдат срочной службы. На Ралусина пахнуло чем-то щемяще-родным, давно забытым.

Высокая дверь кабинета командира полка выглядела как дубовая, по краям была покрыта мелкими ажурными кружевами, выжженными кем-то с необычайной тщательностью и покрытыми лаком. А за ней открывался кабинет с деревянными панелями на стенах, натертым мастикой наборным паркетом и большущим столом, украшенным одиноким монитором и несколькими моделями самолетов разной величины.

Хозяин кабинета, который писал что-то в бланках, подшитых в скоросшиватель, поднял глаза, посмотрел на Илью, потом на Чупару, снова на Илью. Глаза сверкнули, словно в них вспыхнули крохотные лампочки:

– Это он, Васька?

– Он самый, – кивнул, останавливаясь, Чупара.

– Убей меня кошка задом! Да ты... – Полковник, бросив ручку, быстро вышел из-за стола, подошел быстрым шагом и неожиданно сгреб капитана в объятия, с силой хлопая его ладонью по спине: – Ты даже не представляешь, что сделал, парень! Ты просто не представляешь! Ты... Ты ведь страну от позора спас, ты один нашу авиацию вдвое увеличил.

Полковник наконец-то отпустил желанного гостя, отступил и протянул ему руку:

– Я твой должник, парень. Отныне и навсегда. Если что потребуется: обращайся. В любое время. Сделаю все, что могу. Все! Вась, закрой дверь. Тебя как зовут-то капитан?

– Капитан Ралусин, товарищ полковник!

– А по имени?

– Илья.

– Мы с тобой, Илья, это дело сейчас обмозгуем... – Командир авиаполка вернулся к столу, сгреб бумаги с него, спрятал в сейф, спрятанный за одной из панелей, а затем, поманив гостей за собой, раскрыл другой блок из темных от морилки прямоугольников. Там обнаружилась потайная комната. Или, точнее – комната отдыха. Диван, пара кресел, телевизор, холодильник и даже отдельный санузел. – Сейчас, сделаем...

Полковник открыл шкафчик, извлек из него несколько одноразовых тарелок. Потом из холодильника быстро достал несколько запаянных в пленку мисочек с разнообразной нарезкой, скрутил ключом крышку с банки шпрот.

– Что еще? А, да. Хлеб.

Хлеб оказался уже порезанным. Чтобы вскрыть штык-ножом упаковки хватило полутора минут, и стол был накрыт. Последними на нем заняли места несколько стопок и бутылка водки. Командир полка наполнил бокалы, встал:

– Ну что, господа офицеры. За Веру, Царя и Отечество!

Илья, чтобы не сбивать настроения, сперва все-таки выпил, а уже потом спросил:

– За царя?

– Ты знаешь, Костя, – тут же отреагировал Чупара, – у меня такое ощущение, что наш капитан до сих пор не верит в существование государя.

– Да ты чего, Илья? – удивился хозяин. – Да ты хоть примерно можешь себе представить, что бы было с нашей частью, если бы не он? Как все кувырком с этой долбаной перестройкой лететь начало, так мы ни денег, ни пополнения, ни техники новой больше и не увидели. Поначалу хоть что-то капало, а потом просто бросили и забыли. Не то что на полеты, даже на консервацию самолетов средств не осталось. Вот тогда я и узнал, что хозяин в нашей стране

все-таки есть. Законный наследник. Правда, пока не в стране, но рука чувствуется. Баловать – не балует, но и пропасть не даст.

Командир полка поднялся с дивана, подошел к окну, вглядываясь в далекую «взлетку».

– А как «сто шестидесятые» эти выцарапал! Это ведь чудо, а не самолеты! Вы хоть знаете, что их можно использовать в качестве истребителей?

– Это ты загнул, Костя, – не выдержал Чупара.

– Как бы не так, – вернулся к столу хозяин и снова наполнил стопки. – Дольний истребитель, это одна из штатных модификаций. Ракеты «воздух-воздух» вешаешь, и вперед. Так что, капитан, вторую рюмку я хочу выпить за тебя. Большое дело сделал. Я рад, что среди нас есть такие люди.

– Он еще присягу не принимал, – тихо сообщил Чупара.

– Почему, Илья? – изумился комполка. – Не поверил? Или ты считаешь, что русский офицер должен служить тем, кто наше государство разворовывает, а не Родине, и тому, кому... должно? – хозяин красноречиво кивнул в сторону окна.

– А кто определяет, когда служба Родине заканчивается и начинается предательство?

– Мы! – твердо ответил командир полка. – Именно мы. Потому, что именно мы, если что, за эту Родину жизни класть начнем. И потому, что видим, кто только о себе печется, а кто о державе думает. И расклад сейчас такой, что ошибиться никак невозможно. Впрочем, чего я тебе говорю? Ты себя уже показал. А потому, в любом случае: за тебя, капитан!

Офицер выпил. Илья, после короткого колебания, тоже. Потянулся за тонкими ломтями ветчины.

– Разговор действительно странный получается, – подвинул к себе банку шпрот Чупара. – Присяга, она ведь никому не навязывается. И даже благ никаких лишних не дает. Только ответственность. И обязанность выполнять приказы тех, кому действительно веришь. Присяга государю – дело добровольное. А потому я хочу спросить тебя, капитан, и услышать ответ всего лишь из одного слова. Итак, готов ли ты принять присягу на верность наследнику российского престола и своей Отчизне, или нет?

Илья сидел на кресле, перед двумя старшими по званию офицерами, говорящими вполне серьезным тоном, и все-таки никак не мог поверить в реальность подобного предложения: российский престол, император... И это после семидесяти лет советской власти? Бред какой-то...

Но рука его все еще хранила странно-приятный холодок от передней стойки шасси лучшего в мире самолета, а в душе еще не испарился детский восторг перед огромными крылатыми машинами. Восемь из которых спас от гибели именно он. И поэтому Илья кивнул, просто и понятно:

– Да.

Г. Коквиль, штат Орегон, США. 28 ноября 1999 г. 19:50

На город опустились сумерки. Не столько из-за раннего вечера, сколько из-за черных плотных туч, уже второй день обложивших западное побережье страны. Начал накрапывать мелкий дождик. Стекла темно-синего «шевроле» быстро запотели изнутри, в салоне заметно похолодало.

– Включи печку, – приказал водителю с заднего сиденья полковник Рональд Халдзат, заместитель начальника отдела специальных операций ЦРУ. От холода у него начинало ныть правое колено, простреленное какой-то придурковатой проституткой еще во время Вьетнамской войны. Первые лет двадцать зажившая рана никак о себе не напоминала, но потом начало ныть сперва к изменению погоды, а потом и просто от холода или после долгих пеших прогулок. Месяц назад далекому потомку алжирских эмигрантов стукнуло пятьдесят два года, и иногда он с ужасом думал, что постоянные боли станут сопровождать его еще лет тридцать, до самой смерти.

– Ты меня слышал? – повысил он голос. – Включи отопитель!

– Он включен, господин полковник, – отозвался водитель. – Двигатель холодный. Не греется на холостых оборотах.

– Проклятье, – себе под нос буркнул Халдзат и протер ладонью боковое стекло. Там, в полусотне шагов, светило высокими окнами местная закусочная. В ней, наверняка, сухо и тепло. Разведчик посмотрел на часы, откинулся на спинку сиденья. Подождать следовало еще минуты две-три. Если, конечно, чеченец не опоздает, чтобы показать свою особую значимость.

От темного здания автомастерской отделилась фигура в плаще, быстро пересекла улицу и постучала в дверцу. Рональд Халдзат приспустил стекло, и человек наклонился к образовавшейся щели:

– Он пришел, господин полковник. Трое охранников, один остался в машине, двое разошлись. Вооружены. Прикажете убрать?

– Нет, агент, не трогайте. Применяйте оружие только в том случае, если они попытаются приблизиться к закусочной. Так он внутри?

– Да, господин полковник.

– Хорошо, возвращайтесь на позицию.

Разведчик вздохнул, подтянул к себе лежащую рядом на диванчике небольшую переносную магнитоу, открыл дверцу, выходя под дождь. Прихрамывая, он доковылял до входа в закусочную, толкнул прозрачную створку и шагнул внутрь. В лицо тут же пахнуло теплом и запахом горячей картошки. Халдзат зажмурился от яркого света, немного выждал, оглядел узкий длинный зал.

Здесь было немногочленно. Оно и понятно – закусочная располагалась между двумя фабриками, напротив автомастерской и большой свалкой. Или, как она называлась: «Мастерская по разборке и утилизации старой мото- и автотехники». Днем здесь было бы не протолкнуться от обедающих рабочих, но сейчас сидела только парочка молодых людей, похожих на заблудившихся студентов, длинноволосая девица в наушниках от плеера и угрюмый бородач за самым дальним столиком – с густыми, почти сросшимися бровями и сломанным носом.

«Хорошие приметы, – мысленно отметил Рональд Халдзат. – Никакой фотографии не нужно, любой студент словесным портретом обойдется».

Полковник пересек зал, уселся напротив бородача, поставил магнитоу на стол и включил кнопку воспроизведения. За спиной раздался болезненный вскрик. Халдзат понял, что девица торопливо выдирает из ушей наушники, и невольно улыбнулся.

– Значит, это вы? – на хорошем английском спросил бородач.

– Разумеется, – кивнул Рональд Халдзат.

Позади послышался стук – одетый в белый халат и синюю бейсболку с надписью «Кока-кола» повар злобно молотил по бокам подвешенный над стойкой телевизор, пытаясь вернуть на него изображение. Телевизор продолжал мерно шипеть и демонстрировать черно-белое мельтешение.

– Зря старается, только аппарат испортит, – вздохнул разведчик.

– «Глушилку» принесли? – скривился бородач.

– Разумеется. Очень хорошая вещь для разговоров, подобных нашему. Забивает работу любых электронных приборов в радиусе двухсот метров, начиная с магнитофонов и заканчивая системами наведения крылатых ракет. Так что, если вы прихватили с собой маячок, «жучка» или передатчик, то можете их выбросить. Не пригодятся.

– Потом пригодятся, – спокойно ответил собеседник. – Знаем мы эти глушилки. Они у нас в Ичкерии на машинах всех беев стояли. Чтобы радиоуправляемые фугасы обезвреживать.

– Русские ставили на вас фугасы?

– Свои ставили, – чеченец запустил пятерню себе в бороду и с силой дернул. – Отступники и неверные.

Рональд Халдзат услышал приближающиеся шаги, откинулся на спинку стула, с независимым видом вглядываясь в темноту за мокрым стеклом.

– Что будете заказывать? – Дородная официантка остановилась напротив столика, широко расставив ноги, словно боялась потерять равновесие, и приготовила засаленный блокнот.

– Хот-дог, бутылку пива, диетическую колу, – привычно перечислил Халдзат.

– А вы?

– Жареную картошку, салат, стакан апельсинового сока.

– Сейчас принесу. – Официантка, тяжело впечатывая каблуки в пол, удалилась, и полковник заинтересованно склонил голову набок: – Неужели вы вегетарианец, господин Идрис Нохчий?

– Я сомневаюсь, что вы режете скот в соответствии с требованиями Корана.

– А-а, тогда понятно, – полковник кивнул, оглянувшись, проверяя, чтобы за его спиной никто не сидел, потом достал из внутреннего кармана лист бумаги, развернул, вгляделся в фотографию на распечатке, поднял глаза на собеседника. – Итак, господин Нохчий, по нашим, далеко не полным сведениям, вы активный участник отрядов сопротивления Ичкерии, в прошлом – командир крупного подразделения. В девяносто четвертом – девяносто шестом годах участвовали в боях против русских войск. В марте девяносто пятого года, освободив селение Белый Юрт, вы устроили показательные казни русского населения, публично перерезая горло старикам, сворачивая головы младенцам, вспарывая животы женщинам. Самолично убили более шестидесяти человек, а весь ваш отряд – более трехсот русских. В дальнейшем вы повторяли подобные акции в других населенных пунктах. Общее число истребленных таким образом мирных жителей превысило три с половиной тысячи человек. В мае девяносто пятого года вы устроили засаду на дороге Гудермес-Аргун и обстреляли идущую по ней воинскую колонну. В ходе столкновения ваш отряд был уничтожен практически полностью, а вы тяжело контужены.

– Если бы не вертолеты и штурмовики, которые гнались за нами до самых гор и расстреливали с воздуха, как волков, – сжал кулаки Идрис. – Ничего бы они нам не сделали!

– Ну, вы же сами называете себя волками, – безразлично пожал плечами разведчик. – Еще здесь указано, что в разгромленном отряде было много ваших родственников, и теперь старейшины изгнали вас из рода. Хотя, неважно. Осенью вы снова стали нападать на русских. Но теперь не только резали женщин и детей, но и совершали обстрелы блок-постов, напали на небольшие русские отряды, вели достаточно длительные бои.

– Я должен был отомстить!

– После заключения мира в августе девяносто шестого вы продолжали вылазки на территорию Ставропольского края и в Дагестан, убивали тех, кого встречали, похищали людей. Большой частью, обеспеченных. Требовали выкуп. Российская сторона передала нам видеозаписи, на которых заснято, как вы насилуете заложников, отрубаете им конечности, детям вырываете волосы и отрезаете пальцы, выкалываете глаза. Для усиления воздействия вы самолично отрубили головы семнадцати заложникам. Это только те, кто попал в объектив. Ваша активность не нравилась многим влиятельным командирам, которые получали из России деньги на образование, пенсии, пособия, медицинское обслуживание населения. Они опасались, что русские могут все-таки возмутиться и попытаться предпринять ответные действия. Вы оказались человеком несговорчивым, и на вас трижды совершались покушения. Один раз вы отделались легким ранением, второе окончилось новой контузией. Между тем, родственники по-прежнему запрещали вам появляться в родных местах, и после третьего покушения вы предпочли покинуть Россию. Если не ошибаюсь, у вас по-прежнему российский паспорт, не так ли?

Чеченец ответить не смог, поскольку к столику подошла официантка. Она выставила бутылки, стакан с соком, тарелки.

– Подождите... – Рональд Халдзат достал бумажник, вытянул из него двадцатку. – Вот, возьмите. Сдачи не нужно.

– На чем мы остановились? – сложил распечатку разведчик. – Ах, да. В нашей стране вы занимаетесь сбором пожертвований на продолжение вооруженной борьбы чеченского народа с захватчиками. Но, насколько мне известно, не очень успешно. Военных действий в самой Ичкерии практически нет, а те два взрыва в Санкт-Петербурге и Саратове, которые вы надеялись совершить для поддержания своего реноме, были сорваны русскими спецслужбами. Мусульмане не понимают, куда пропадают их деньги. Не видят результата. И не очень охотно расстаются с долларами, которым можно найти совсем другое применение.

– Ничего, Аллах еще услышит, как кафиры возопят от ужаса и боли.

– Сомневаюсь... – Полковник приложился к бутылке с кока-колой и сделал несколько глубоких глотков. – Сомневаюсь, потому как вместе со взрывчаткой русские вычистили и вашу агентуру. А завести новую, сидя в захудалом американском городишке, довольно трудно.

Идрис Нохчий, взяв вилку, вяло поковырялся в салате, взял желтую палочку картофеля-фри, кинул в рот, прожевал:

– И для чего вы все это мне рассказываете?

– Не пора ли вам, господин Нохчий, отплатить стране, приютившей вас в трудное время, за гостеприимство?

– Все вы здесь такие же неверные, как и русские.

– Подумайте, господин Нохчий. В конце концов, время от времени нам нужно улучшать отношения с русскими. Вы не думаете, что в знак доброй воли мы можем передать им одного очень отличившегося преступника, который объявлен в международный розыск?

– Отдавайте! – гордо вскинул голову Идрис. – Русские нас боятся. Они не решаются нас казнить. Они дадут мне несколько лет тюрьмы, потом освободят по амнистии, и я снова буду резать их, где только увижу.

– А есть другой вариант, – снова отхлебнул “коку” разведчик. – Вы можете совершить деяние, которое сделает вас куда более известным, нежели Басаев, поднимет ваш престиж на невероятную высоту. И во многом удовлетворит ваши мечты о мести. Если, конечно, подобные желания вообще можно удовлетворить.

– А что нужно делать? – моментально встрепенулся чеченец.

– Подумать, – широко улыбнулся Рональд Халдзат. – Пока просто подумать, что для вас наиболее предпочтительно. Во многом вам придется действовать самостоятельно, и я не хочу, чтобы вы считали, будто вас шантажируют или обманывают.

– Но русским действительно будет плохо?

– Да.

– Тогда я согласен!

– Я все равно не стану говорить об этом здесь, – решительно допил «колу» разведчик. – Если вы не передумаете до завтра и готовы полностью довериться мне и доверить своих людей... Кстати, сколько их у вас?

– А вам зачем?

– Мы договорились, или нет? – удивленно приподнял брови Халдзат. – Вы готовы участвовать в моем плане, или мне нужно искать других исполнителей? Я хочу знать, сколько у вас людей, где они, насколько боеспособны? Итак...

– Девять моджахедов приехали сюда со мной, – неохотно признал чеченец. – Примерно столько же готовы выполнять приказы в Ичкерии, еще трое остались в Саратове, но они давно не выходят на связь...

– Про последних можете забыть, – вздохнул разведчик, берясь за хот-дог. – Значит, здесь девять штыков. Что же, этого вполне достаточно. Итак, господин Идрис Нохчий, если вы готовы согласиться на мое предложение и готовы довериться полностью, я жду вас завтра, в девять утра, на северном углу площади Четвертого Июля. Там будет стоять темно-синий «шевроле», и мы в нем немного покатаемся.

Рональд Халдзат выключил «магнитола», сунул ее под мышку, взял с тарелки недоеденный хот-дог, пиво и, прихрамывая, отправился на выход.

Аэропорт г. Женева, кантон Женева, 2 декабря 1999 г. 11:15

Легкая жилетка непривычно болталась на плечах – обычно у Ильи полевой жилет, набитый рожками для автоматов и гранатами, да еще одетый поверх «броника», весил килограммов пятнадцать, не меньше. А тут – бежевая рубашка в крупную клетку, джинсовая жилетка, утепленная синтепоном куртка, брюки из плотной шерстяной ткани, полусапожки на молниях с внутренней стороны. Все это было странно и непривычно – но Чупара настоял, чтобы капитан полностью переоделся в штатское, оставив всю привезенную с заставы одежду и документы на хранение в сейфе управления внутренней безопасности. А также потребовал, чтобы Ралусин впредь называл его только по имени-отчеству: Василий Андреевич.

– А ты с этой минуты станешь Ильей Юрьевичем, – добавил Чупара, протягивая ему новенький загранпаспорт.

– Имена решили не менять? – не без удивления принял документ Илья.

– Зачем? Мы никого обманывать не собираемся, законы нарушать тоже. Просто будет не очень хорошо, если кто-то обратит внимание, что к одинокому обитателю довольно крупного поместья часто приезжают офицеры Российской армии. И не только Российской. А что касается просто посетителей, то тут ситуация обычная. Курорт. Многие туземцы превратили родовые поместья в банальные гостиницы.

– Hi. Show, please, your documents. ⁴

Илья от неожиданности вздрогнул – задумавшись, он и не заметил, как дошел до таможенника.

– Do you understand me?⁵ Вы прилетели рейсом из Москвы? – неожиданно перешел на русский язык таможенник. – Покажите, пожалуйста ваш паспорт.

Страж швейцарской границы что-то быстро настучал на невидимой Илье клавиатуре, посмотрел на фотографию в паспорте, на Ралусина:

– Цель вашей поездки?

– Туризм, – ответил, как его учили, Илья.

– Вы с группой?

– Один.

– У вас имеются средства для проживания?

Капитан молча достал из кармана жилетки бумажник и раскрыл, демонстрируя таможеннику пачку пятидесятидолларовых купюр.

– Где ваши вещи?

– Это все, – кивнул на сумку через плечо Ильи. – Сменная сорочка, пара белья. Я не собираюсь оставаться здесь надолго. Дня два, три. Не больше.

Таможенник задумчиво кивнул, взглядываясь куда-то под стойку, потом решительно шлепнул печать в открытый паспорт:

– Добро пожаловать в Женеву. Приятного вам отдыха.

Ралусин кивнул, спрятал документы в карман и, не оглядываясь, направился к выходу. Двери аэропорта распахнулись, и он вдохнул воздух Женевы. Воздух был самым обыкновенным, хотя и свежим. А еще – теплым. Голубое небо, яркое солнце, сухой асфальт – после сытной Москвы это показалось просто чудом.

– Ну что, Илья, пошли? – появился из дверей Чупара. – Стоянка такси здесь недалеко, справа.

---

⁴ Здравствуйте. Покажите, пожалуйста, документы. (англ)

⁵ Вы меня понимаете? (англ)

– Пошли, – кивнул Ралусин. – А чего этот таможенник ко мне с глупыми вопросами приставал? Я как-то не так выгляжу?

– Не бери в голову, – отмахнулся полковник. – По базе данных тебя проверял. Компьютер срабатывает медленно, вот он время и тянул. О, кстати, таксист негра высаживает...

Они немного пробежались, и успели влезть в освободившийся салон еще до того, как предыдущий пассажир захлопнул дверцу. Машиной такси, к удивлению Ильи, оказался настоящий «Мерседес».

– Оп цау⁶, – скомандовал Чупала, и водитель тут же сорвался с места.

Аэропорт находился чуть ли не в черте города – таксист домчал их до ближайших кварталов за считанные минуты, но потом долго пробирался по узким улицам старого города. Наконец впереди открылся водный простор, и машина остановилась.

– Пойдем, Илья. Раз уж тебя занесло в эти горы, ты должен знать, о чем потом рассказывать. Вон, смотри, что впереди.

Впереди бил фонтан. Очень высокий – метров тридцать, не меньше, а в верхних его слоях играли сразу несколько ярких радуг. Но тем не менее, это был всего лишь фонтан. И наличие перед ним причалов с многочисленными яхтами, домов с оцинкованными мансардами или лепкой на стенах, крутых горных отрогов вдалеке ничего не меняло.

– Вы думаете, я совсем в своем Таджикистане одичал, Василий Андреевич? Воды не видел?

– Ты любуйся, любуйся, – невозмутимо кивнул полковник. – Сейчас еще под кипарисами погуляем, кофе на воздухе попьем. А заодно проверим, нет ли у нас хвоста. Извини, дружок, привычка. Да и биография у меня немного другая. Мало ли кто старое помянет?

Чупара таскал Илью по городу часа три, время от времени указывая на готические соборы и церкви четырнадцатого века, наиболее древние особняки, считающиеся благодаря возрасту особо красивыми, угощал жареными пирожками. Обещанного кофе почему-то ни разу не купил. Потом неожиданно тормознул такси-«ситроен», буквально запихнул Ралусина внутрь и хлопнул водителя по плечу:

– Везенас. Understand? – таксист кивнул, и полковник с облегчением откинулся на спинку сидения. – Кажется, чисто.

Они опять очень долго выбирались по успевшему уже надоесть городу, пока, наконец, машина не выбралась на загородную трассу, быстро набрав скорость. И тут Илья понял, что совершенно напрасно так часто ругал российские дороги. Хотя зачастую они и были изрядно разбиты, но по крайней мере имели нормальную ширину, чтобы разъехаться хоть на мотоцикле, хоть на «Белазе». Здесь же скоростная трасса имела ширину дворового проезда, на котором с трудом можно разминуться двум легковушкам. А «Ситроену» то и дело попадались навстречу то автобусы, а то и длинные неповоротливые грузовики. После этого Илья окончательно разочаровался в Женевском кантоне и закрыл глаза.

– Стоп, – неожиданно потребовал полковник. – Остановись, подышать хочу.

Такси послушно скатилось на обочину. Чупара вышел наружу, следом выбрался и Ралусин.

Здесь уже не видно было ни озера, ни выпендренных старинных особняков. Вокруг стоял густой дубовый лес, пахло грибами и свежестью. Совсем как дома...

– Укачивает, Василий Андреевич?

– Нет, Илья. Просто последняя проверка, – кивнул на дорогу полковник. – Да и волнуюсь я. Давно его не видел. Рядом уже, минут пять... Ладно, чего стоять? Поехали.

Действительно, спустя несколько минут такси отвернула на узкую, мощеную брусчаткой лесистую дорожку, которая примерно через километр уперлась в высокие, кованные из тол-

---

⁶ На набережную (нем.)

стых прутьев ворота. По верхнему краю шли высокие, по-настоящему острые пики, а бетонные столбы, на которых висели створки, венчались позолоченными орлами, широко расправившими крылья. По ту сторону дорога продолжалась, украшенная по обеим сторонам все еще цветущими бордовыми маргаритками и желтыми хризантемами. Впрочем, уже через сотню метров брусчатка упиралась в высокую стену березняка. Причем, судя по ровным кронам и прямизне края леса – его явно вырастили искусственно.

Офицеры вышли из машины, Чупара расплатился, подошел к выглядывающей из-за ворот камере, остановился прямо перед ней. Створки дрогнули и стали расходиться. Они вошли. Ралусин с интересом смотрел по сторонам, хотя любоваться пока же было нечем: цветы и толстые, вековые березы, чуть колышущиеся от ветра.

Вскоре стало ясно, что лес просто закрывает поместье от любопытных глаз: дорога повернула влево, еще метров на сто протянулась вдоль зарослей, и впереди открылся старинный особняк. Каменная кладка до уровня второго этажа, поддерживаемая снаружи толстыми контрфорсами, отличалась узкими высокими окнами, больше похожими на бойницы. Выше началась легкая, почти ажурная конструкция с широкими окнами из сплошного стекла, а перемычки стен разрезались белыми декоративными стойками, придающими верху впечатление легкости и воздушности. Здание окружали выложенные плиткой дорожки и клумбы, местами цветущие, но в большинстве стоящие пустыми. Впрочем, у пограничника вся эта красота вызвала вполне четкую ассоциацию с расчищенным вокруг укрепленного пункта сектором обстрела. Илья подумал, что было бы неплохо на всякий случай соединить дом и низкий кирпичный гараж, стоящий с раскрытыми воротами в стороне от особняка, безопасным ходом сообщения, и только после этого обратил внимание на ряд альпийских горок, идущий от одного строения к другому. Красиво и функционально: укрытия находятся на расстоянии прыжка друг от друга. За время перебежки нападающие не то что прицелиться – огня открыть не успеют.

На заднем плане открывался широкий простор озера и далекий гористый берег, поросший лесом. Впрочем, у самой воды там виднелись дома, над крышами которых мчался железнодорожный состав.

Больше всего Ралусина удивила безлюдность этой усадьбы – если не считать механика, ковыряющегося возле машины внутри гаража, он не видел ни единого человека.

Между тем Чупара уверенно шел вперед – поднялся по ступеням крыльца к тяжелой дубовой двустворчатой двери, распахнул ее, повернул к неожиданному рядом с грубо отесанными камнями лифту. Офицеры поднялись на этаж, указанный на кнопке, как шестой, попали в помещение с обитыми бархатом скамейками вдоль стен и выходящим в сторону леса окном.

– Оставь вещи здесь, капитан, – полковник опустил на одну из скамеек сумку, снял куртку, выпрямился перед идущим вдоль стены зеркалом, поправил волосы, заправил рубашку в брюки, затянул ремень еще на одну дырку. Илья тоже привел себя в порядок. Чупара взглянул на часы: – Еще четыре минуты. Вовремя успели.

Пожалуй, эти последние минуты тянулись дольше всего. Даже дольше, чем весь полет из Москвы и прогулка по городу. Когда большая стрелка «Командирских» дотянулась до цифры «10», полковник нажал на ручку двери и пропустил Ралусина в обширный зал.

В длину не менее пятидесяти метров, а шириной около двадцати, он имел одну стену из сплошных окон, а вторую – зеркальную, отчего казался вдвое шире. У дальней стены, на которой висел плоский кран с какой-то таблицей, под бегущей строкой, разговаривало несколько офицеров. Один из них, в морской форме, с погонами капитана третьего ранга, кивнул себе-седникам, двинулся навстречу гостям.

– Рад видеть вас, Василий Андреевич. Как доехали?

– Благодарю вас, ваше величество, хорошо! – Чупара, втянув живот, щелкнул каблуками и коротко кивнул.

– Рад видеть, – моряк протянул ему руку. Полковник ее пожал и отступил в сторону:

- Позвольте, ваше величество, представить вам капитана Ралусина, Илью Юрьевича.
- Очень рад, – капитан протянул руку.

Ладонь была сухой и горячей, рукопожатие – крепким и уверенным. Император выглядел лет на тридцать. Рост – не менее метра девяносто, подтянут, если не сказать – худощав. Гладко выбритый, он имел голубые глаза, острый нос, тонкие губы, чуть выступающий вперед подбородок, каштановые волосы. Глаза смотрели на гостя с искренним интересом.

– Значит, это вы смогли одним ударом разрешить все наши проблемы? Я должен поблагодарить вас, Илья Юрьевич. Каждый ваш выстрел принес империи не менее трехсот миллионов долларов.

- Если бы хоть один из этих миллионов достался нашей погранзоне, – вздохнул Ралусин.
- Вот как? А Василий Андреевич уверял, что состояние погранвойск находится на вполне достаточном уровне...

– Приемлемо, – моментально поправил Чупара. – Капитан может подтвердить: сил для обеспечения прочности наших рубежей на заставах вполне достаточно.

- Так, капитан? – перевел свой взгляд на Илью государь.

– В общем, да. Но несколько усилить материальную часть не помешало бы... – и тут Ралусин впервые высказал мысль, которая давно крутилась у него в голове: – Нам нужна специальная бронетехника для условий охраны границы. Легкие машины с мелкокалиберными пушками и чисто противопульной броней, но скоростные. Не имеющие средств борьбы с авиацией или танками, радиоэлектронной борьбы, малозаметности – но с качественной инфракрасной аппаратурой и отсеками для перевозки задержанных и грузов. Мы же не участвуем в полевых сражениях! Мы ловим небольшие группы людей, вооруженные стрелковым оружием и умеющих хорошо прятаться. Не на танках же за ними гоняться!

– Интересный вопрос, – задумчиво ответил хозяин поместья, если это был действительно он. – Я думаю, Илья Юрьевич, вам следует написать по этому поводу записку со своими соображениями, а я позабочусь о том, чтобы она попала к людям, курирующим тему проектирования.

- Скажите, а почему в форме российского офицера ВМФ?

– Не российского, а советского, – покачал головой государь. – Видите ли, в нашем роду испокон веков было принято, чтобы наследник престола начинал свою жизнь с военной службы. В восемьдесят восьмом году я окончил военно-морское училище имени Фрунзе, получил распределение в Мурманск, на «Маршала Устинова», прослужил семь лет, но был вынужден покинуть Россию из-за трагической гибели отца и занять трон. Отец служил в авиации и даже участвовал в боях в Корее. Имел два ордена «Красного знамени» и всегда ими гордился. Брат служил в десантных войсках, дядюшка – подводник. Был приписан к Калининграду. Наш род неукоснительно блюдет заветы предков.

- Вы имеете в виду род Романовых?

- Капитан! – вскинулся Чупара.

– Оставьте его, Василий Андреевич, – предупреждая вскинул руку государь. – Илья Юрьевич, прежде чем принести присягу, собирается выяснить все вопросы, и это его право. Он должен знать, какой цели собирается служить, ради чего терпеть лишения и подвергаться риску, по какому праву ему будут отдаваться приказы. Поэтому мы лучше разрешим все сложности сейчас, не вынуждая его в дальнейшем терпеть лишения. Так чем вам не нравится род Романовых?

– В школе нам говорили, что все представители этого дома были расстреляны большевиками в восемнадцатом году. Извините, если разбередил старую рану. Каким образом мог при этом спастись Алексей?

– Семья моего прадеда не могла спастись целиком, это действительно так, – хозяин дома нервно прикусил губу. – Но царевича они смогли передать доверенному человеку, и скрыли

его побег, сказав охране, что он разбился при падении с лестницы, лежит больным и не может выходить. В дальнейшем охрана либо не захотела понести наказание за побег узника, либо руководство большевиков испугалось попытки восстановления монархии и уже сама не стала признавать исчезновение наследника трона, но эта история так и осталось тайной для большинства людей. Официально считалось, что род Романовых прерван, претендовать на трон не может никто. И эта ситуация устраивала всех, даже группу офицеров, вывезших моего деда сюда. Ведь он, как вы, Илья Юрьевич, наверное, знаете, был болен и не мог нести тяжесть власти. Основной задачей деда стало избавление от болезни. Императоры Российские не имели право превратиться в больных гемофилией слабаков! Дед прошел длительный курс лечения, был вынужден жениться на невесте, которую выбрали ему врачи. В результате оба его старших сына родились здоровыми, и только третий оказался больным... Правда, Алексей Второй все-таки был коронован на царство. Это случилось здесь, без излишней помпы. Его помазал на царствие патриарх Московский и всея Руси Тихон, признав в нем законного наследника. Он же вывез и передал нам все архивы царского дома, получив их у Сталина, только что ставшего секретарем ЦК, в обмен на призыв ко всем верующим страны поддерживать Советскую власть.

– Значит, Сталин знал о существовании законного царя?

– Разумеется, – пожал плечами хозяин дома. – Этого факта невозможно скрыть. Просто никто не стремился привлекать к нему лишнего внимания. Деду и его спасителям не хотелось стать причиной смуты в стране, и без того обескровленной после нескольких революций и гражданской войны. Наша первейшая цель – благополучие России и защита центра древнейших цивилизаций от варваров.

– Благополучие России? – склонил голову набок Илья. – Насколько я слышал, после Петра Первого мужская линия рода Романовых прервалась полностью, и в дальнейшем представители этой фамилии являются практически чистокровными немцами.

– Чистокровными? – усмехнулся государь. – Ну, на счет крови вы погорячились, Илья Юрьевич. Ребенка вынашивает все-таки женщина, а потому кровь передается скорее по женской линии. Что касается генов, то они делятся пополам, ведь так? Так что, хотя с точки зрения патриархата могут возникать претензии, но фактически во мне все равно еще сохранилась частица жизни, которая принадлежала самому Словену, начавшему строить здесь первое государство. Вы кстати, кто по национальности?

– Русский.

– Неправда, Илья Юрьевич. Эта нация возникла примерно в четырнадцатом веке, когда с этим самоназванием окончательно ассоциировали себя анты, голядь, вятичи, вотяки, дулебы, водь, венеды, буртасы, болгары, ижора, берендеи, древляне, волыняне, вельняне, кривичи, печенеги, мокша, меря, литва, мордва, корсь, пруссы, словены, радимичи, русичи, тиверцы, половцы, авары, чудь, торки, угры, черемисы, уличи, северяне, весь, дреговичи, славяне, полочане... Всех и не перечислишь. И немцы среди них тоже имелись. В древние времена из Европы много народа на Русь перебежало. Так что, какую из национальностей вы представляете?

– Я р-русский, – упрямо повторил Илья, раскатисто рыкнув на первой букве.

– Вот именно. Если вы называете себя русским, Илья Юрьевич, считая себя таковым не смотря ни на что, почему вы запрещаете это другим, тоже ощущающим себя русскими, хотя и влившимися в российскую общность немного позднее? Ведь «русский» – это не справка из генеалогического архива. Это в первую очередь воспитание. Это наш менталитет, это трудолюбие, честь, любовь, к России. Готовность умереть за нее... Ведь мы никогда не называем русскими предателей. А тех, кто честно служит стране считаем своими, не смотря на происхождение. Разве не так?

– Перестань, капитан, – подал голос Чупара. – Его величество сделал для нас больше всех наших правителей вместе взятых. И помогал в то самое время, когда большинство «природных русских» искали только, как украсть побольше.

– Осторожнее, Василий Андреевич, – повернул к нему голову хозяин дома. – Я тоже природный русский.

– Извините, – моментально отступил полковник.

– А кто такой «Словен», которого вы назвали основателем нашего государства?

– Эт-то уже куда более долгий разговор, Илья Юрьевич, – после короткой паузы ответил государь. – И вести его есть смысл только в том случае, если вы все-таки признаете мое право на российский престол.

Хозяин дома спокойно улыбнулся, ожидая ответ.

Ралусин мысленно чертыхнулся. Ему и голову не приходило, что когда-нибудь придется решать: имеет право кто-то управлять Россией, или нет? Достоин, или просто случайный человек? Это не бросать в урну бумажку с крестиком – отвечать за выбор придется по всей строгости: выполнять приказы и рисковать жизнью по требованию своего избранника. Или... Или развернуться и уйти, не сделав последнего шага. Ведь что он знает про этого человека? Слова, слова, и только слова.

«Хотя нет, – тут же одернул себя Илья. – Кое-что знаю. Знаю, что он поддерживал Первый бомбардировочный полк все годы, пока про летчиков забыло родное правительство. Знаю, что его стараниями Россия получила восемь лучших в мире самолетов. Что ради этого на границе пришлось уничтожить уходящего к хозяевам «крота». Что этому человеку верит и признает его право приказывать полковник Чупара из службы внутренней безопасности ФСБ. Получается, этот моряк действительно имеет возможность управлять некими процессами внутри страны. Причем свои возможности он использует на благо государства. Уйти? Окажусь вне жизни. Кто-то будет сражаться, поднимать страну, защищать ее интересы. А мне останется только сидеть на какой-нибудь штабной должности, слушать про все это в новостях по радио, и думать, где украсть для своей дачи пару мешков цемента...»

– Я признаю, – как бы со стороны услышал Илья свой голос, и уже сам закончил: – Ваше величество.

Чупара громко облегченно вздохнул.

– Вам, Василий Андреевич, хорошо бы зайти в мой кабинет, – оглянулся на него император Павел Второй. – Там в оперативной сводке за последние три дня появилось много интересного. А мы пока с Ильей Юрьевичом немного прогуляемся. Вы не возражаете?

– Нет... ваше величество... – подобное обращение все еще давалось Ралусину с трудом.

– Тогда давайте выйдем на улицу.

Илья прошел в лифт вслед за государем, они спустились на третий этаж – но оказались почему-то перед парадной дверью. Хозяин дома первым вышел наружу и повернул направо, к озеру, неспешно ступая по темно-синим, словно намокший асфальт, плитам дорожки, вьющейся между пустых клумб.

– Вы хотели узнать о Словене, Илья Юрьевич? – оглянулся государь на пограничника. – Я расскажу. Хотя очень обидно, что про него и его брата Руса сейчас мало кто знает. Хотя их имена упомянуты практически во всех древних хронографах, про них написано у Герберштейна, про них сложено множество легенд. Так вот, братья Словен и Рус представители древнего княжеского рода государства Аркаим, некогда существовавшего в Приуралье. Точнее, представители младшей ветви этого рода. Они успели прославить себя мудростью и храбростью. Как говорится в летописи, «мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим». Но права на стол они все равно по младшеству своему не имели. Было это четыре с половиной тысячи лет назад. Именно тогда в цивилизованные страны стали доходить известия, что населяющие далекие окраинные западные земли дикари начали объединяться в племенные союзы. Возвращающиеся из дальних путешествий купцы сообщали, что тамошние обитатели остаются дики, не имеют понятия о добре и зле, душе и нравственности, невероятно агрессивны, и уже начали составлять крупные рати и нападать на своих более мирных соседей. Правители

Китай, Аркаима и Харрапса – как называлась тогда страна, объединявшая современные Индию и Афганистан, постановили совместно поставить заслон наступающему варварству. Страшась допустить жестокие войны к границам своих империй, они решили создать между цивилизацией и дикой Европой новое государство, жители которой будут допущены к высокой духовности тысячелетних культур, но в которых назначенные извне князья станут воспитывать и поддерживать высокий боевой дух и отвагу. Новый народ-воин должен запереть расплодившихся варваров на окраинных землях и не допустить их нападений на привыкшие к мирной жизни цивилизации.

Император вывел гостя на смотровую площадку, висящую над причалом с яхтой и двумя катерами, жестом предложил сесть на скамейку.

– Так вот, Илья Юрьевич. Наилучшими кандидатурами на подобную роль были признаны братья Словен и Рус. Они согласились и бросили клич среди своих воинов и друзей. «И любя бысть речь сия Словенова и Русова всем людем, и вси яко едиными усты реша: благ совет князей наших, и добра речь и чудна премудрых держателей наших. И бысть в лета от Адама 3099 Словен и Рус с роды своими отлучишася от отчины и идоша от роду своего, и от братий своя и ходжаху по странам вселенная, яко острокрылати орли прелетаху сквозь пустыни многи, имуще себе места благо приятна, и во многих местах почиваху мечтующе, но нигде не обретоша вселения по сердцу своему, дондеже дошедше езера некого велика Мойска зовомого, последи же от Словена Илмер проименовася во имя сестры их Илмери, и тогда волхование повеле им быти населником места того». Я понятно выразился?

– Не очень, ваше величество.

– Это слова летописи. В переводе они гласят, что братья дошли до одного большого озера, показавшегося им очень удобным. Озеро они нарекли Ильменем в честь оставшейся дома сестры. Отправившиеся с князьями колдуны сочли место наиболее подходящим для поставленной цели. Братья прекратили свои поиски, срубили город Словенск и стали там жить, привлекая к себе местные финно-угорские племена умением хорошо возделывать землю, изготавливать качественное оружие и инструмент. Вскоре местные жители признали в братьев своих правителей, стали подчиняться им и следовать их приказам.

Павел поднялся, подошел к краю площадки, оперся локтями на ограждение:

– Вы даже не представляете, Илья Юрьевич, что я чувствовал, держа в руках эти папирусы на тонко выделанной коже. Ведь иероглифы наносились на них еще в те годы, когда Аркаим был богатой оживленной страной, а в Китае еще не существовало рабовладения. Когда санатана-драхма, или индуизм, как его называют в Европе, был еще совсем юной религией, а Веды вообще только начали записываться... В голове не укладывается, как давно это было. Исчезли целые государства и цивилизации. Засуха уничтожила Аркаим, Харрапса распалась на несколько стран. В цивилизованном мире основной религией стал буддизм, дикари стали называть себя центром мироздания, а буквы продолжают темнеть на серой коже, сохраняя древние приказы.

– Я представляю...

– Нет, Илья Юрьевич, – оглянулся на капитана государь и покачал головой, – не представляете. Впрочем, вернемся к братьям. Они действительно смогли основать новое государство и начали выполнять поставленную задачу: совершать походы в дикие земли. Как оказалось, слухи о возможностях европейцев оказались сильно преувеличены, и разве что Египет представлял действительную угрозу. Против него братья и совершили несколько набегов. На троне сменялись Кием, Аскольд, Дир, Вандал, Бурикий. Страна развивалась, богатела. Варвары начали называть наши земли Гардариком – страной городов. Между тем плодящиеся совсем неподалеку дикари продолжали безумствовать, вырезая друг друга в войнах, занимаясь грабежами и убийствами. В великой Элладе процветал гомосексуализм, карфагеняне приносили в жертву богам тысячи детей ежегодно, римляне использовали для этого пленных врагов.

Именно они за пятьсот лет до рождения Христа, в те самые годы, когда Конфуций и Будда проповедовали науку добра и духовного саморазвития, придумали устраивать гладиаторские бои, заставляя людей убивать друг друга ради потехи скучающей толпы. Разумеется, подобное поведение варваров шокировало обитателей цивилизованного мира. А когда стало ясно, что они еще и активно распространяют свое влияние, завоеывая все новые земли, князь Гостомысл получил прямой приказ: «Порождение зла уничтожить». Сделать это было нетрудно. Только римляне могли воображать, что шлем, большой щит, копье и парусиновый доспех делает их непобедимыми воинами. Из Гардарика пошли отряды катафрактариев, закованных в сталь от макушек и до конских копыт, поддержанные легкой конницей. Римская пехота вытаптывалась, города разорялись. И так раз за разом, пока они не прекратили отстраивать свои поселения снова. Но в результате этих войн случилась настоящая беда: у князя погибли все четыре сына. Чувствуя приближение старости, Гостомысл вспомнил про свою дочь, Умилу, отданную замуж за местного князя. Старик призвал к себе ее и ее сыновей, и завещал им свой стол, взяв клятву продолжать начатое предками дело. Это был первый случай передачи власти по женской линии, а старшего внука Гостомысла звали Рюриком.

– Вот, значит, как? – удивился Ралусин. – Значит, он не викинг?

– Кто знает, – пожал плечами государь. – Но половина крови в нем от матери: истинно княжеская. Рюрик прибыл на Русь с братьями и, желая доказать свое право на высокое звание русского правителя, сделал для нашей страны едва ли не больше всех остальных. Рим к этому времени был возвращен в исходное, дикое состояние, но оставалась его сестра – Византия. На нее армии ходили несколько раз, и базилевсы, поняв, что неспособны продержаться достаточно долго, впервые в истории человечества прибегли к информационной диверсии. В славянские земли стали засылаться проповедники, которые стали рассыпать в души капельки страшнейшего яда: христианства. Братство людей, поклонявшихся разным богам, но единых в следовании завещанной предками миссии, рассыпалось. Одни стали с оружием в руках защищать старую веру, другие – насаждать новую. Древняя Русь рассыпалась на враждующие княжества, а проникновение на часть ее владений ислама только усилило всеобщую вражду.

Павел тяжело вздохнул, оттолкнулся руками от перил, вернулся на скамейку:

– Да-а, Илья Юрьевич, сейчас это трудно понять, но принятие христианства стало наиболее крупным поражением за всю историю нашей страны. Больше пяти столетий ушло на то, чтобы восстановить самобытность, адаптировать чуждую религию к нуждам народа, перенести в лоно новой веры прежних богов: Илью-Пророка, премудрого Сергия, воителя Георгия-Победоносца. Половина тысячелетия... За это время на варварских землях образовались новые племенные союзы, унаследовавшие от Римской империи самые ужасающие ее пороки: жестокость, воспевание убийства, бездуховность, аморальность, жадность, стремление к насилию, ограблению слабого. Дикари даже попытались отомстить Руси за былую суровость и организовали крестовые походы – но даже ослабленная междоусобицами земля легко разметала этот напор. Где-то там, на рубежах тринадцатого и четырнадцатого веков и возникла «Фема». Государство внутри государств, орден над орденами, тайная служба Дьявола. Она внушает обывателям и спецслужбам такой ужас, что даже во времена Гитлера ни эсэсовцы, ни гестапо за все время существования Тысячелетнего Рейха так и не рискнули прикоснуться к ее архивам. Больше того, фюрер даже попытался присвоить кусочек ее славы, назвав свои охранные отряды «SS», забрав половину символа Фемы: «SSGG». «Могильная трава под черным крестом». Фема признает только одно наказание – смерть, и этот девиз показывает, что ждет ее врагов.

– Я слышал про эту организацию, – кивнул пограничник. – Только думал, что она уже не существует.

– Если бы... – покачал головой государь. – Это неправда, что Фему создавал Ватикан. Она возникла как общая спецслужба всех орденов крестоносцев, следящая за тем, чтобы в ряды этих организаций не проникали чужаки, она карала отступников. Именно она уничто-

жила тамплиеров, когда стало ясно, что орден отказался от следования общим целям и занялся чисто финансовой деятельностью, она же присвоила и его богатства. Золото крестоносцев не досталось ни французскому королю, ни папскому престолу. Фема координировала действия орденов крестоносцев и планировала развитие этих военных организаций, направление общей экспансии. Дикарям очень хотелось добраться до богатых древних стран, как существующих, так и мифических: Китая, Индии, Дураньи, Сиамы, Шрикшетра. Аркаим к этому времени уже был уничтожен долгой засухой. Впрочем, европейцы этого не знали и рвались к огромным богатствам древних цивилизаций. Но на пути грабителей, как всегда, стояла Русь. К тому же, она успела окрепнуть, и даже самые тупые варвары понимали: нападать на русские границы – самоубийство. Тогда Фема и приняла стратегическое решение, ставшее в дальнейшем основой ее политики: Фема начала информационную войну. Родившееся в середине пятнадцатого века книгопечатанье стало основным оружием. На головы европейцев посыпались самые идиотские вымыслы про русскую слабость и недоразвитость, про пьянство и лень, про глупость царей и трусость воинов. Почти сто лет понадобилось на то, чтобы убедить варваров в их способности проломить щит, поставленный на пути дикости. В тысяча пятьсот шестьдесят шестом году умер Сулейман Великолепный, правитель могучей Османской империи. На его место пришел Селим, прозванный пьяницей, и Фема решила: пора! Золото тамплиеров было потрачено на подкуп османских министров, на сбор наемников со всего мира и в конце шестнадцатого века началась война всей Европы и Азии против России. Дикари нападали сразу с двух направлений, с юга и с запада. Стадцатитысячную армию османов вырезал Михайло Воротынский, вставший во главе пятидесяти тысяч опричников возле деревни Молоди, а двухсоттысячный корпус европейских наемников разбился о стены Пскова. У князя Шуйского во Пскове было всего шестнадцать тысяч воинов, поэтому перебить всех захватчиков ему не удалось.

– У деревни Молоди? – попытался вспомнить Ралусин. – Не знаю...

– Это не делает вам чести, Илья Юрьевич, – холодно парировал хозяин. – Впрочем, времена правления последнего Рюриковича ныне вспоминать не принято.

– Ивана Грозного? – сообразил пограничник. – Того, которого Романовы сменили на троне после Смуты?

– Не совсем сменили, – тон императора внезапно стал мягким, даже вкрадчивым. – Отец Михаила Федоровича был племянником Иоана четвертого. Так что, Грозному мы если и не потомки, то кровные родственники. К тому же, династия Романовых на протяжении почти всего своего правления следовала его прямым заветам: строили Засечные черты, каждые тридцать-сорок лет сдвигая их на юг, пока в середине прошлого века последняя не прошла по Тереку. Присоединили к России опустевшие земли Аркаима. Строили армию, способную защитить цивилизованный мир от любого врага. Что же касается Смуты... Увы, это еще одно доказательство того, что тайными действиями Фема всегда способна добиваться большего, нежели с помощью силы. Всего несколько слов про выжившего наследника – и Русь почти на двадцать лет окунулась в кровавый кошмар... Надеюсь, этот факт достаточно внятно объясняет, почему дед стремился не афишировать своего существования?

Павел тяжело вздохнул, покачал головой, что-то вспоминая. Потом продолжил:

– Сто лет спустя эта организация приставила к позабытому правительством царевичу, не имеющему шансов взойти на престол, немецких наставников, воспитала его в духе русофобии, после чего организовала переворот. Правление Петра отбросило страну в развитии больше, чем на двести лет назад, сократило население почти на четверть... Вторым ударом стало то, что Европе удалось найти западный путь к цивилизованным странам. Европейцы истребили население Америки, разграбили древние государства. На ворованное золото строились новые замки, крепости, города, которыми варвары гордятся до сих пор. Именно тогда окончательно оформились и основы философии дикарей, принципы веры и построения их общества. Священники с амвонов Европы начали вещать, что признаком благоволения Господа, явным и

беспорным признаком его любви является богатство, материальное благополучие. Вошедшие в храмы смертные начисто забыли, что внушаемая им вера уже описана в Библии как вера в Золотого тельца, что выбор между богатством и духовностью Иисусу Христу предлагал в пустыне сам Сатана. Сын Божий выбрал духовность. Варвары выбрали Дьявола и поклоняются ему по сей день. Ирония судьбы: с восемнадцатого века Россия оказалась единственным оплотом не только цивилизации, но и христианства.

Павел снова поднялся и подошел к перилам, вглядываясь в озерный простор. Ралусин поднялся следом:

– Что было потом?

– Потом? – повернул к нему голову император. – Потом Фема, ощутив в себе силу, предложила двум лучшим полководцам Европы начать наступление на Россию. Моро Жан Виктор, осознав, о чем идет речь, отказался участвовать в войне на стороне Дьявола. Он решился перейти на сторону цивилизации, воевал за Россию, был смертельно ранен в Дрезденском сражении и похоронен в Петербурге. А вот Наполеон повел армию на Москву... И нам снова пришлось брать Берлин, а затем впервые брать Париж. Организация отступила, вернувшись в более привычную для себя область: к заговорам и информационным войнам. Был подготовлен план нового переворота и раздробления России. Феме удалось его осуществить в семнадцатом году. На основе специально разработанной псевдотеории земного счастья население и армия оказались распропагандированы и начали бороться против собственной Родины.

– Специально разработанной? – не выдержал Ралусин. – А разве «Капитал» и принципы борьбы рабочих за свои права не являются просто экономической и научной теорией?

– Увы, И Маркс, и Энгельс являлись русофобами и активными деятелями Фемы. Если вы заглянете в архивы любой европейской библиотеки и поинтересуетесь газетами времен осады Севастополя, то обязательно наткнетесь на статьи Энгельса, призывающие Австрию вступить в войну против нас, тщательный анализ обстановки и указание наиболее болезненных для России действий. А когда в шестидесятых годах мой прапрадед Александр начал крупные реформы, тот же Энгельс писал в ответ: «Россия угрожает нам и оскорбляет нас. Мы надеемся, что Германия скоро ответит на это в мечом в руке». Так что, вся теория социализма составлялась специально для нашей страны с целью ее ослабления и уничтожения.

– Ч-черт! – сплюнул с площадки вниз пограничник. – А я, честно говоря, в политэкономии верил.

– Фема умеет вести пропагандистскую борьбу, – признал Павел. – Далеко не всегда можно распознать, куда, в какую точку направлен удар. Выполняя инструкцию Фемы, Ленин произвел разбивку России на так называемые «республики», названные по национальному признаку. На территории единой страны впервые появился национальный вопрос, который выпятился во всем своем уродстве уже сейчас, только полвека спустя.

– Но ведь Ленин не сдал Россию во время гражданской войны? – напомнил Ралусин.

– Когда была возможность, сдавал с удовольствием, – покачал головой государь. – Отпуская Финляндию, заключая мир с Германией, он отдавал русское золото, боевой флот, земли – все, что только брали. А что касается защиты от агрессора... Русский воин никогда не выполняет приказа сдаваться. Если бы Ленин приказал сдать Антанте или японцам – его бы смели в тот же день без колебаний. Пришлось играть «под своего». Но потом пришел Сталин. Он ознакомился с архивом царской фамилии, и это знание произвело на него такое впечатление, что выпускник духовной семинарии резко изменил позицию марксизма и начал восстанавливать империю, одновременно истребляя бывших соратников по борьбе. Архивы передали деду, а так же был заключен договор с опекунами о том, что если у Алексея появится здоровый наследник, то ему будет возвращен императорский трон.

– То есть, Сталин действовал в интересах империи?

– Да. А что вас так удивляет, Илья Юрьевич? – поинтересовался Павел.

– А как же все ужасы, которые при нем случились?

– Какие?

– Например, репрессии.

– Плата за революцию, – покачал головой государь. – В стране оказалось слишком много людей, которые не умели ничего, кроме как свергать существующий строй. Слишком много агентов Фемы, имеющих приказ на прямое уничтожение Руси. Сталин уничтожил их и, честно говоря, мне их ничуть не жалко. Ведь моего прадеда и моих теток истребили именно они. Кстати, вы не знаете, кто на январском пленуме тридцать восьмого года требовал «Разоблачать карьеристов-коммунистов, стремящихся отличиться на репрессиях»? Не знаете? А вы поинтересуйтесь. Троцкий открыто провозглашал: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми». Он и тысячи его сторонников именно это и делали. Пока у них на пути не встал Сталин.

– А коллективизация?

– Укрупнение хозяйств было необходимо. Только крупные земельные владельцы могли приобретать технику для обработки полей. А что касается крови... К каждому исполнителю сторожа не приставишь. Кстати, вы не помните, Илья Юрьевич, кто написал письмо «о перегибах»?

– Помню, – не стал кривить душой пограничник. – Но начало войны с Гитлером он все-таки прозевал!

– Хорошо выносить приговор, не вникая в суть вопроса, – пожал плечами император. – В сорок первом решалась судьба войны. Именно тогда. Если бы Гитлеру удалось провести провокацию наподобие польской, выставить Россию агрессором – нам пришлось бы воевать не с фашизмом, а с половиной мира. Англия и Америка и так втихаря помогали Гитлеру в его войне против нас. А имей они повод – выступили бы за него открыто. Сталин смог недопустить этого. После открытого нападения немцев самый опасный сценарий оказался предотвращен. Симпатии народов «феменисткой» сферы влияния оказались однозначно на нашей стороне. И еще. У нашей армии имелось достаточно сил для победы. Но летом сорок первого необстрелянные войска столкнулись с армией, имеющей два года боевых действий. Когда наша армия набрала годовой опыт войны, мы начали бить «феменистов» сильно и уверенно. А чтобы не продолжать этого разговора, напомним про самое главное. Не Сталин начинал Мировую войну, не он сбросил бомбы на Хитросиму и Нагасаки, не он ставил биологические эксперименты на людях, не он истреблял ковровыми бомбардировками женщин и детей в Гамбурге и Дрездене, не он затевал войну в Корее. Что бы про него не говорили, но преступления против морали и человечности совершил не он. Пусть Сталин был не самым гуманным, но уж далеко и не самым кровавым правителем. Он всего лишь вернул часть потерянных Россией земель, обеспечил ее воинскую мощь на полвека вперед, восстановил экономику, воссоздал золотой запас...

– А как на счет депортации народов?

– Это укор, или похвала? – улыбнулся Павел.

– Ну... – запнулся Ралусин. – Он ведь тысячи эстонцев переселил. Чеченцев вывез. Татар из Крыма.

– Он был правителем, Илья Юрьевич, правителем уверенным в своей правоте и не трусящим перед «феменисткой» пропагандой, – ответил государь. – Спокойствие государства превыше всего. Основные принципы успокоения народов сформулированы просто и понятно еще великим рюриковичем Иваном Грозным. Буйные и непокорные племена не нужно истреблять. Это жестоко. Их нужно переселять в незнакомые им места, где они, не ощущая поддержки соплеменников и не зная местных условий, перестают бунтовать и начинают сами надеяться на поддержку государя. Переселив эстонцев или татар в Сибирь, Сталин раз и навсегда прекратил кровавое сопротивление. Выселив чеченцев в Казахстан, он лишил их возможности бунтовать, но одновременно в голодное и тяжелое послевоенное время освободил от налогов,

давая возможность выжить. Это был грех только с точки зрения Фемы, поскольку прекращал кровавые раздоры внутри страны и укреплял государство. Но Сталин не боялся попреков от своих врагов. Он думал о России, а не о том, в каком виде его станет представлять западная пресса. Если бы власть не допустила возвращения чеченцев в родные горы – то и нынешней кровавой войне возникать было бы неоткуда.

– Может быть, вы знаете, как можно ее остановить?

– Разумеется, – спокойно кивнул император. – Иван четвертый оставил советы и по такому поводу. У нас в стране сейчас больше двух миллионов заключенных. Нужно предложить всем желающим свободу в обмен на свой вклад в восстановление Чечни. Они получают вместо паспорта документ поселенца, предупреждение о расстреле на месте в случае пересечения Терека в северном направлении, подъемные и право на ношение оружия наравне с местным населением. Многовековой опыт освоения разбойничьих земель подсказывает, что примерно через год местное население начинает лояльно относиться к власти и обращаться к ней за помощью, конфликты утихают лет через десять, а уже через поколение казачьи станицы, что образуются на месте обитания поселенцев, поставляют в армию наиболее преданных и боеспособных бойцов. Но для подобного поступка президенту нужно думать больше о государстве, чем о себе и «феминисткой» пропаганде. Фема это решение, разумеется, осудит и будет долго обзывать нехорошими словами. Нет сейчас в стране законной, уверенной в себе власти, которая способна решиться на радикальные меры. И это с полной ясностью ставит вопрос о восстановлении монархии!

– Простите, ваше величество, – уже достаточно спокойно обратился к императору Ралусин. – Но почему трон не был восстановлен после смерти Сталина?

– Фема оказалась куда более умелой в деле переворотов, – поморщился Павел. – Ее ставленники смогли быстро отстранить Берию от рычагов управления и поставить вместо отца Хрущева. Что происходило дальше, Илья Юрьевич, вы, наверное, и сами помните. Уничтожение авиации, флота, сворачивание перспективных разработок. Да, Фему опасно недооценивать. За прошедшие столетия она превратила действия против России в целую науку, которой обучают, по которой защищают диссертации, получают научные звания. Замлай Хализад: «Работа американской авиации в воздушном пространстве России», профессор Нью-Йоркского университета Брюс Буэно де Мескито: «Противодействие внутриэкономическому взаимодействию регионов России», Ален Даллас: «Реализация доктрины против СССР», Збигнев Бжезинский: «Права человека в методике разложения русских», «Постиндустриальное общество без России», «Практика манипулирования общественным сознанием». Генри Кисенджер: «Использование исламского фактора для разделения России». Такие вот научные работы ныне защищают профессора и бакалавры. Пол Вульфовиц, Ричард Перл, Маргарет Тетчер занимают довольно высокие посты в разных странах и настойчиво проводят программу Фемы в жизнь. Кроме того, у организации много агентов и внутри России. Достаточно вспомнить Шеварнадзе, Козырева, Новодворскую, Ковалева. Вы не могли не заметить, Илья Юрьевич, что они действуют не в пользу какой-либо страны, а просто вредят нашей Родине. Изо всех своих сил.

– Да, – кивнул Ралусин, – слышан я, как Ковалев в Чечне бандитов защищал или как бросок наших десантников через Балканы назвал позором России.

– Сергей Ковалев, это обычный рядовой русофоб, один из сотен пропагандистов сатанизма, – повернулся император к гостю. – Основную опасность представляют все-таки холодные бесстрастные аналитики вроде Дика Чейни, Дуга Фейта, адмирала Либби или Рональда Халдзата. Ковалевы и Джады только хвалят, защищают и подкармливают преступников. Халдзаты и Фейты кровавые кошмары вроде Чечни создают. Впервые за всю историю нашей страны Феме удалось организовать полномасштабный геноцид русского населения в одном из регионов России, полностью уничтожить мирных людей в целой республике, превратить ее в

руины и успешно удерживать в этом состоянии. И Фема полна желанием распространять этот опыт дальше.

– Что же делать?

– Меньше обращать внимание на словоблудие и больше значения уделять делам.

Илья усмехнулся. «Больше значения уделять делам!» Каким? За последние годы он не успел увидеть ни одного решения, направленного на пользу стране.

– Вы со всеми офицерами так подробно беседуете, ваше величество?

– Разумеется, Илья Юрьевич, – кивнул Павел. – Чиновников и офицеров, принесших мне присягу, не так уж много. Всего около трех тысяч. Поэтому я хочу быть уверен, что каждый из них понимает меня, мои действия, мои цели. Что каждый из них верит мне и не сомневается в приказах. Хотя, конечно, обычно мы не углубляемся в такие глубины древней истории.

– Но что могут какие-то три тысячи человек в войне целых цивилизаций?!

– Не скажите, Илья Юрьевич, не скажите, – улыбнулся император. – Их не очень много, но это люди так называемого «среднего звена», на которых и держатся государства. Они могут практически все. Агенты Фемы попортили нам немало крови своими действиями как раз на этом уровне. Например, в семьдесят четвертом году командующий Тихоокеанским флотом Смирнов, получая как от своей разведки данные о том, что американцы собираются поднять нашу лодку «К-129», клал их к себе в сейф и никому не передавал. Точно так же он оставлял у себя приходящие из штаба, данные Внешней разведки. В результате, не смотря на старания тысяч людей по защите наших секретов, американцам удалось поднять часть погибшей лодки без особых сложностей. После начала чеченской войны и полковник Чупара, и я активно настаивали на снабжение вертолетов огневыми установками «Беркут». Дело дошло до того, что генштаб издал прямой приказ об установке этих систем на «Ми-24», но... Установок нет в войсках по сей день. Впрочем, не будем ограничиваться только грустными примерами. После подписания договора «ОСВ-2» российское правительство потребовало от ракетчиков уничтожить ударные комплексы «Сатана». Но этот приказ успешно положен «под сукно» и часть ракет продолжает защищать нашу безопасность. Точно так же, действуя через среднее звено, нам удалось похоронить планы военного расчленения России после развала Союза. Резолюции по вводу войск НАТО, миротворческих сил ООН для охраны ядерных объектов и баз с оружием массового поражения, обеспечения безопасности населения и иными «гуманитарными акциями» благополучно «терялись» на пути в Совбез или штабы по планированию по десять тысяч долларов за штуку. Спасение единства России стоило всего сто пятьдесят тысяч «зеленых», выплаченных нужным людям.

– А откуда у вас такие деньги, ваше величество? – не удержался от бестактного вопроса Ралусин.

– У меня достаточно средств, – улыбнулся, довольный произведенным эффектом, Павел. – Я наследник царской династии Романовых. К началу революции только финансовые счета нашей семьи за границей составляли семнадцать миллиардов золотых рублей. Или, по современному курсу, сто восемьдесят пять миллиардов долларов. Это не считая имущества и более чем пятисот тонн золота. Как вы должны знать, ни Советский Союз, ни Россия никогда не пытались предъявить претензии на это богатство. Потому, что оно наше, фамильное, русское. И дает коронованному императору достаточно возможностей, чтобы противостоять Феме и помогать государству в тех случаях, когда оно в силу разных причин не способно справиться само. Из этих денег выплачивались взятки западным политикам и чиновникам, из них подпитывались наши ученые и проектировщики, которых пытаются заставить переключиться с военной техники на разработку кастрюль, благодаря этим финансам еще существуют спецслужбы и средства сдерживания. Смею вас уверить, Илья Юрьевич, у российских денег все это время был хороший хозяин. Мы как-то не имеем привычки воровать сами у себя.

– Вот, значит, откуда по сей день берутся новые проекты?

– Именно, – согласно кивнул Павел.

– Понятно... – настала очередь Ралусину задумчиво взглянуться в катящиеся по поверхности озера волны.

В общем-то, услышанное прекрасно объясняло то, над чем он и сам раньше задумывался. Например о том, почему на выставках по-прежнему появляются новые, все более совершенные российские самолеты, танки, зенитные системы – хотя в войска новой техники не поступает, на «оборонку» бюджет не тратится уже почти десяток лет. Почему войска НАТО так и не вошли в пределы страны, хотя уже шли разговоры о гуманитарных миссиях, о неспособности России безопасно хранить ядерное оружие, хотя оголодавшие и обнищавшие люди уже сами шутили, что нужно объявить войну Штатам и тут же сдаться в плен, а сам он всерьез готовил своих бойцов к партизанской войне. Откуда берутся смелые и решительные офицеры, которые продолжают проводить операции против бандитов или марш-броски по вражеской территории. А так же то, почему западная пресса тупо называет убийц и насильников борцами за свободу, словно ей мозги поотшибало. Получается, у государства есть альтернативный руководящий орган, который парирует ошибки официального правительства, а временами выполняет его задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.